

XVII

КНИГА
О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ
И КОРОЛЕВЕ ГВИНЕВЕРЕ

XVIII

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ АРТУР И КОРОЛЕВА РАДОВАЛИСЬ УСПЕШНОМУ ЗАВЕРШЕНИЮ ПОДВИГА ВО ИМЯ СВЯТОМУ ГРААЛЯ И КАК ЛАНСЕЛОТ СНОВА ПОДПАЛ ПОД ВЛАСТЬ СВОЕЙ СТАРОЙ ЛЮБВИ

Chapter
I.

ИТАК, когда был завершен подвиг Святого Грааля и все рыцари, оставшиеся в живых, возвратились домой к Круглому Столу,— как о том повествует КНИГА

О СВЯТОМ ГРААЛЕ,— была при дворе великая радость, и король Артур с королевой Гвиневерой еще больше обычного ласкали оставшихся своих рыцарей. Особенно же радовались король и королева сэру Ланселоту и сэру Борсу, ибо они всех дольше пробыли в дальних странствиях, взыскав Святого Грааля.

Но потом, как рассказывается в книге, сэр Ланселот снова прилепился к королеве Гвиневере и забыл свое обещание и зарок, данный еще когда он странствовал, взыскав Святого Грааля, ибо, говорится в книге, не будь сэр Ланселот тайными помыслами и сердцем своим так привержен к королеве Гвиневере, как по виду казался привержен богу, ни один бы рыцарь тогда не превзошел его в подвиге Святого Грааля. Но он помыслами своими всегда стремился втайне к королеве, и они любили теперь друг друга еще жарче, чем прежде, и столь часто бывали у них тайные встречи, что при дворе многие об том говорили и всех более — сэр Агравейн, брат сэра Гавейна, ибо он был из тех, кто дает языку волю.

Но к сэру Ланселоту все время обращались многие дамы и девицы, постоянно осаждавшие его просьбами, чтобы он бился за них на турнирах и в поединках. И во всех этих справедливых делах сэр Ланселот неизменно поступал как должно рыцарю в угоду господину нашему Иисусу Христу, и всегда, когда мог, сэр Ланселот избегал общества королевсы Гвиенверы, дабы не питать клевету и пересуды. А королева за это гневалась на сэра Ланселота.

Вот однажды призвала она его в свой покой и сказала так:

— Сэр Ланселот, я вижу день ото дня, как любовь ваша оскудевает, ибо вы не рады быть со мною, но все время стремитесь прочь от двора и поединки и заступничества ваши за девиц, дам и благородных женщин участились теперь даже против вашего прежнего обыкновения.

— Ах, госпожа, — отвечал сэр Ланселот, — за это вы должны извинить меня по многим причинам, и одна из них — что я лишь недавно возвратился из странствий во имя Святого Грааля и благодарю бога и его великую милость, что мне хоть и не по заслугам, но дано было узреть более в моих исканиях, нежели кому-либо еще из грешников на свете, о чем мне и было объявлено. И когда бы не сохранила я тайных помыслов возвратиться к вашей любви, то открылась бы мне такие же великие чудеса, как и сыну моему сэру Галахаду, Персивалю и сэру Борсу. И потому, госпожа, я так долго пробываю в отсутствии, и знайте, госпожа, не легко забывается такое, все труды мои прилежные ради высокого служения.

И еще госпожа, да будет известно вам, что многие здесь при дворе говорят о нашей любви и упорно следят за вами и мною, как, например, сэр Агравейн или сэр Мордред. И знайте, госпожа, я опасуюсь их больше из-за вас, нежели стал бы бояться сам, ибо я ведь могу все бросить и уехать отсюда в случае нужды, вы же, госпожа, принуждены будете терпеть все, что ни скажут против вас. И если придется вам попасть в беду через упорное неразумие ваше, то ведь ни от кого не будет вам помощи, кроме меня и моих родичей.

И знайте, госпожа, наша с вами неосторожность принесет нам позор и наветы, а мне всего менее хотелось бы видеть вас опозоренной. Вот по какой причине я еще чаще, чем прежде, выступаю защитником девиц и дам, чтобы люди думали, будто мне в жизни всего милее и дороже — радость биться в поединках за прекрасных девиц.

КАК КОРОЛЕВА ВЕЛЕЛА СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ ПОКИНУТЬ ДВОР И О ГОРЕ, КОТОРОМУ ПРЕДАЛСЯ СЭР ЛАНСЕЛОТ ♡ Королева же между тем стояла молча, дожидаясь, чтобы сэр Ланселот высказал все, что желал; а когда он кончил, она разразилась слезами и долго плакала и рыдала. И когда она смогла говорить, то сказала:

— Сэр Ланселот, вот теперь я вижу, что ты просто коварный рыцарь-изменник и любодей, что ты любишь и целуешь других женщин, а меня презираешь и ставишь ни во что. Знай же, что раз мне откры-

лась твоя измена, теперь я уже никогда больше не буду тебя любить, ты же не дерзай никогда более показаться мне на глаза. Сей же час я освобождаю тебя от службы при нашем дворе, и больше ты никогда сюда не возвращайся. Я лишаю тебя моего общества, и ты под страхом смерти никогда уже больше на меня не взглянешь!

И сэр Ланселот ее покинул в столь глубокой тоске, что едва держался на ногах от горя и печали. И призвал он к себе сэра Борса, сэра Эктора Окранинго и сэра Лионеля и рассказал им, что королева запретила ему оставаться при дворе и что он намерен отправиться к себе на родину.

— Любезный сэр, — сказал сэр Борс Ганский, — мой совет вам: не покидайте эту страну. Ведь вы должны помнить, кто вы, — самый прославленный из всех рыцарей мира, свершитель многих славнейших подвигов. А женщины в своей поспешности нередко совершают поступки, в которых потом горько раскаиваются. И потому мой вам совет: садитесь на коня и поезжайте к доброму отшельнику, что обитает здесь по соседству от Виндзора, а некогда был славным рыцарем по имени сэр Брастнас. И у него подождите, пока я не сообщу вам добрые вести.

— Брат, — сказал сэр Ланселот, — уж конечно, мне самому не хочется уезжать из этого королевства, но королева так сурово корила меня, что, боюсь, никогда больше не будет уже она моей дамой.

— Не говорите так, — отвечал сэр Борс, — ведь она уже много раз на вас гневалась, а потом сама же первая раскаивалась.

— Это правда, — сказал сэр Ланселот, — и оттого я поступаю по вашему совету: возьму коня и доспехи и отправлюсь к отшельнику Брастнасу и там останусь до тех пор, пока не услышу от вас новых вестей. Но прошу вас, любезный брат, если только возможно, возвратите мне любовь госпожи моей королевсы Гвиенверы.

— Сэр, — отвечал сэр Борс, — вам нет нужды говорить мне это, ибо вы знаете, что я сделаю все возможное, дабы утешить вас.

И с тем сэр Ланселот вдруг уехал, и ни одна душа не знала, куда он исчез, кроме одного лишь сэра Борса. А королева, когда сэр Ланселот уехал, не показала и виду, что горюет, ни родичам своим и никому при дворе, но знайте, что в глубине души она, как повествуется в книге, горько призадумалась. Однако держалась она гордо, словно бы не было у нее на сердце ни заботы, ни опасения.

КАК НА ПИРУ У КОРОЛЕВЫ ОДИН РЫЦАРЬ УПАЛ ОТРАВЛЕННЫМ И КАК СЭР МАДОР ВОЗЛОЖИЛ ВИНУ НА КОРОЛЕВУ ♡ Вскоре задумала королева задать в Лондоне малый пир для рыцарей Круглого Стола, — и все лишь для того, чтобы показать, что ей так же мило все остальные рыцари Круглого Стола, как и сэр Ланселот. И был на том пиру только сэр Гавейн со своими братьями: сэром Агравейном, сэром Гакерисом, сэром Гаретом и сэром Мордредом. Был там также сэр Борс Ганский, сэр Блемуэр Ганский и сэр Блеоберис Ганский, сэр Гали-

худ и сэр Галиходин, сэр Эктор Окраинный и сэр Лионель, сэр Паломид и сэр Сафир, его брат, сэр Лакот Малдтелье, сэр Персиант, сэр Иронсид, сэр Брандель, сэр Кэй-Сенешаль, сэр Мадор де-ла-Порте, сэр Патрис, рыцарь из Ирландии, сэр Алндук, сэр Аскамур и сэр Пионель Свирепый, кузен доброго рыцаря сэра Ламорака, которого сэр Гавейн и его братья предательски убили.

Были эти двадцать четыре рыцаря приглашены отобедать с королевой, и в назначенном месте ожидало их славное пиршество и яства всевозможные без счета.

Но у сэра Гавейна было одно обыкновение: он и на обед и на ужин каждый день ел непременно всякие плоды и фрукты, а более всего любил яблоки и груши. И потому кто бы ни угощал, ни потчевал сэра Гавейна, забочился неизменно, чтобы перед ним стояли отборные плоды. Позаботилась об том и королева: чтобы угодить ему, она повелела доставить на обед лучших плодов и фруктов.

Был этот сэр Гавейн по природе рыцарь весьма горячий, а сэр Пионель его ненавидел за убийство родича сэра Ламорака, и потому, из чистой злобы и ненависти, сэр Пионель напился ядом несколько яблок, желая отравить сэра Гавейна.

Дело было уже к концу обеда, и случилось на беду, что потянулся за яблоком добрый рыцарь сэр Патрис, родич сэра Мадора де-ла-Порте, ибо он был разгорячен выпитым вином. И как раз случилось ему на беду взять отравленное яблоко. Лишь только съел он его, как начал пухнуть, и, наконец, его разорвало, и упал среди них мертвым сэр Патрис.

Повскакали тут все рыцари со своих мест из-за стола, стыдом и гневом разъяренные до безумия, ибо они не знали, что сказать, ведь пир и обед устроила королева Гвиневра, и они все подозревали ее.

— Госпожа мой король! — воскликнул сэр Гавейн. — Знайте, что это угощение предназначено было мне, ведь все, кто знаком со мною, помнят, как я люблю плоды и фрукты. И теперь я вижу, что едва не принял смерть. И потому, госпожа, боюсь, как бы не было вам великого позора.

А королева стояла молча, ибо она была так глубоко смущена, что не знала, как ответить.

— Так этому не должно кончиться, — сказал сэр Мадор де-ла-Порте, — ибо я потерял здесь славного рыцаря из моего рода, и потому за такой позор и оскорбление я буду искать отмщения!

И сэр Мадор при всех открыто обвинил королеву в смерти своего кузена сэра Патриса.

Они же все стояли молча, не желая говорить против него, ибо велики были их подозрения против королевы, ведь обед тот задала им она. А королева была в таком смятении, что могла только плакать и рыдать, пока не упала в обморок.

Между тем на шум и крики явился туда сам король Артур, и, когда он узнал о случившейся беде, он весьма опечалился.

КАК СЭР МАДОР ОБВИНИЛ КОРОЛЕВУ В ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ, И ПОНАЧАЛУ НИ ОДИН РЫЦАРЬ НЕ ВЫЗВАЛСЯ СРАЗИТЬСЯ ЗА НЕЕ. А сэр Мадор молча стоял перед королем, обвинив королеву в предательстве. Ибо в те дни нравы были такие, что всякое коварное убийство почиталось предательством.

— Любезные лорды, — молвил король Артур, — я очень сожалею об этой беде, но обстоятельства здесь таковы, что сам я не могу принять участия в этой расправе, ибо мне должно оставаться справедливым судьей. Однако мне весьма жаль, что я не смогу сразиться за мою супругу, ибо, по моему мнению, это зло сотворено не ею. И потому, я надеюсь, она не будет опозорена, но какой-нибудь добрый рыцарь вызовется положить жизнь своею за королеву, чем ей сорвет на костре по обвинению. Поэтому, сэр Мадор, не будьте столь поспешны, ибо, клянусь богом, может еще статься, что у нее найдутся друзья, готовые за нее заступиться. Назначьте же по своему желанию день поединка, и она найдет какого-нибудь доброго рыцаря, который ответит на ваш вызов, а иначе позор мне и всему моему двору.

— Мой миаостивый государь, — сказал сэр Мадор, — прошу у вас прощения, но хотя вы и король наш, но в этом деле вы такой же рыцарь, как и мы, и вы так же, как и мы, давали рыцарскую клятву. И потому, прошу вас, не гневайтесь, но среди двадцати четырех рыцарей, которые были званы на этот обед, ни одного нет, кто не питал бы подозрений против королевы. Что скажете вы, лорды? — спросил сэр Мадор.

Они стали отвечать один за другим и все говорили, что не находят извинения королеве за устроенный ею обед и что либо в несчастье повинна она, либо кто-нибудь из ее слуг.

— Увы! — сказала королева, — я устроила этот обед не по злым побуждениям, но лишь по добрым, и да поможет мне всемогущий Иисус в моей правоте, только у меня никогда не было на уме зла, и в том полагаюсь я на волю божию.

— Господин мой король, — сказал сэр Мадор, — я прошу вас, как есть вы справедливым король, назовите мне день, в который должно свершиться возмездие.

— Хорошо, — сказал король, — ровно через четырнадцать дней смотрите явиться на коне и во всеоружии на луг близ Винчестера. И если найдете там рыцаря, готового встретиться с вами в поединке, то бейтесь во всю мочь, и бог да пошлет правую победу. Если же не окажется там рыцаря, готового к бою, то в тот же самый день должна будет принять смерть на костре моя королева, и она будет ожидать там суда.

— Я удовлетворен, — сказал сэр Мадор.

И все рыцари разошлись кто куда.

Когда же король и королева остались одни, король спросил ее, как все проходило.

И отвечала королева:

— Сэр, да поможет мне Иисус, я не ведаю, как и отчего это было.

— Где сэр Ланселот? — спросил король Артур. — Будь он сейчас здесь, он бы не преминул сразиться за вас.

— Сэр, — отвечала королева, — я не знаю, где он, но его брат и его родичи полагают, что он находится вне пределов этого королевства.

— Это жаль, — сказал Артур, — ведь если бы он был здесь, он быстро жоложил бы конец этой распри. Ну что ж, тогда вот какой я дам вам совет, — сказала королева, — пойдите к сэру Борсу и просите его ради сэра Ланселота выступить за вас в поединке, и ручаюсь жизнью, он вам не откажет. А то, вижу я, ни один из двадцати четырех рыцарей, что были на вашем пиру, где пал сэр Патрис, не склонен сражаться за вас или заступить за вас хотя бы словом, и оттого пойдут о вас при дворе враждебные толки. Я сожалею об отсутствии сэра Ланселота, ибо будь он здесь, он скоро облегчил бы мне душу. Что за причина, — спросил король, — что вы не можете удержать при себе сэра Ланселота? Ведь знаете, — сказал король, — иметь на своей стороне сэра Ланселота, значит располагать помощью благороднейшего мужа в мире. Ступайте же, — сказал король королеве, — и просите сэра Борса, ради сэра Ланселота, выступить за вас в поединке.

КАК КОРОЛЕВА ПРОСИЛА СЭРА БОРСА СРАЗИТЬСЯ ЗА НЕЕ, И КАК ОН СОГЛАСИЛСЯ, НО НА ОДНОМ УСЛОВИИ, И КАК ОН ОПОВЕСТИЛ ОБ ЭТОМ СЭРА ЛАНСЕЛОТА

И вот королева рассталась с королем Артуром и послала за сэром Борсом. И когда он явился, она просила его о защите.

— Госпожа, — он отвечал, — какую помощь вам угодно от меня получить? Ведь честь не позволяет мне сразиться за вас в этом деле, ибо я тоже был на вашем обеде и другие рыцари могут меня заподозрить в нечестии. Вот, госпожа, — сказал сэр Борс, — теперь вам недостает сэра Ланселота, ведь он бы не отказал вам в помощи ни в правом деле, ни в неправом, ибо он не раз помогал вам, когда вам грозили беды. Вы же изгнали из пределов вашей страны того, кто своим присутствием оказывал повседневно честь вам и всем нам тоже. И потому, госпожа, я просто дивлюсь, как, не стыдясь, испрашиваете вы помощи у меня, тогда как сами изгнали от своего двора того, кем мы были возвеличены и прославлены.

— Увы, любезный рыцарь, — сказала королева, — я всецело полагаюсь на вашу милость и готова исправить все мои промахи по вашему совету. И с тем она опустила на оба колена и умоляла сэра Борса сжалиться над нею — «ведь иначе я приму позорную смерть за преступление, которого не совершила».

Тут как раз явился король Артур и застал королеву коленопреклоненной. И сэр Борс поспешил ее поднять и сказал так:

— Госпожа, вы позорите меня.

— А, благородный рыцарь, — сказал король, — сжальтесь над моей коро-

левой, учтивый рыцарь, ибо я теперь уверен, что ее опозорили облыжно. И потому, учтивый рыцарь, — король продолжал, — обещайте сразиться за нее, я прошу вас во имя любви, которую вы питаете к сэру Ланселоту.

— Господин мой, — отвечал сэр Борс, — вы спрашиваете с меня столь великую службу, что большего и просить невозможно. А ведь знаете, если я соглашусь на поединок за королеву, я утрачу дружбу многих моих товарищей, рыцарей Круглого Стола. Но я, — сказал сэр Борс, — даю согласие, ради господина моего сэра Ланселота и ради вас, выступить в назначенный день заступником королевы, если только, по воле случая, не объявится к тому времени рыцарь получше меня и не вызовется сразиться за королеву.

— Вы поклоняетесь мне в этом, — спросил король, — своей душой? — Да, сэр, — отвечал сэр Борс, — в этом и вы и она можете на меня положиться. Но если объявится лучший рыцарь, тогда сражаться будет он. Тут король и королева весьма возрадовались и простились с ним, благодаря его всем сердцем.

А сэр Борс вскоре тайно отъехал со двора и прискакал туда, где сэр Ланселот находился у отшельника Брастиса, и поведал ему обо всем, что произошло.

— Ах, Иисусе, — сказал сэр Ланселот, — все складывается именно так, как мне бы и хотелось. И потому прошу вас, приготовьтесь к поединку и выезжайте на луг, но смотрите, помедлите подольше и не начинайте, пока не увидите, что еду я. Ибо я полагаю, что сэр Мадор гордч во гневе, и чем дольше вы промешкаете, тем сильнее он будет рваться в бой.

— Сэр, — сказал сэр Борс, — предоставьте его мне. И не сомневайтесь, я все исполню по вашей воле.

С тем сэр Борс от него уехал и возвратился ко двору. Между тем при дворе прослышали о том, что сэр Борс будет биться в защиту королевы, и многие рыцари были за то на него сердиты, ибо без малого все рыцари при дворе полагали королеву неправой и повинной в предательстве. И сэр Борс так отвечал своим товарищам по Круглому Столу:

— Знайте же, любезные лорды, что нам всем был бы великий позор, если бы мы допустили, чтобы благороднейшая в мире королева была так опозорена перед всеми, ведь ее супруг, наш король, — муж величайшей славы в христианском мире, и он прославил нас всех по всему белому свету.

Но многие из них сказали ему в ответ:

— Что до нашего благороднейшего короля Артура, мы любим и почитаем его не меньше, нежели вы, но что до королевы Гвиневеры, ее мы не любим, ибо она — погубительница добрых рыцарей.

— Любезные лорды, — отвечал сэр Борс, — слается мне, вы говорите не то, что вам следует говорить, ибо за всю мою жизнь я не знал и не слышал, чтобы ее называли погубительницей добрых рыцарей, но всегда, сколько я помню, она почиталась покровительницей всех добрых рыцарей, и не было дамы щедрее ее на дары и на милости среди тех, кого я знаю или о ком слышал. И потому позор был бы всем нам, допусти мы, чтобы супруга нашего благороднейшего короля, которой мы обязаны верной службой, умерла бы позорной смертью. И знаете, — сказал сэр Борс, — я этого не допущу, ибо могу вам сказать: королева не виновна в смерти сэра Патриса, ведь она

никогда не питала к нему зла, да и ни к кому из двадцати четырех рыцарей, которых пригласила на обед. Она звала нас по любви, а не из злого побуждения. И это, я же сомневаюсь, будет вскоре открыто, ибо, как бы ни обернулось дело, меж нами все же было предательство.

Тогда сказал кто-то Борсу:

— Мы верим вашим речам.

И с тем иные остались удовлетворены, иные же нет.

КАК В НАЗНАЧЕННЫЙ ДЕНЬ СЭР БОРС СНАРЯДИЛСЯ К БОЮ ЗА КОРОЛЕВУ И КАК В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ ВМЕСТО НЕГО ВЫЕХАЛ ДРУГОЙ И побегало время быстро, и настал, наконец, канун того дня, на который назначен был поединок. Королева послала за сэром Борсом и спросила его, каковы его намерения.

— Право же, госпожа, — он отвечал, — мои намерения те же, что и были, когда я давал вам обещание: я не откажусь за вас сразиться, если только не объявится лучший рыцарь, нежели я, который захочет вступить в этот поединок. На тот случай, госпожа, я должен быть освобожден вами от моего обещания.

— Вы желаете, — спросила королева, — чтобы я так и передала супругу моему, королю?

— Поступайте, как вам будет угодно, госпожа.

Тогда королева пришла к королю и передала ему ответ сэра Борса.

— Что же, — сказал король, — в сэре Борсе вы не сомневаетесь, ибо его я считаю одним из благороднейших рыцарей среди ныне живущих и превосходнейшим из мужей.

Так подошло утро, и вот король и королева и все рыцари, находившиеся в то время при дворе, собрались на лугу близ Винчестера, где назначен был поединок. Когда явились туда король с королевой и многие рыцари Круглого Стола, тогда отдана была королева под стражу, и вокруг железного столба были разложены поленья для большого костра, дабы, если вера возьмет сэр Мадор, ее тут же предали бы сожжению. Ибо таковы были нравы в те времена: ни милость, ни любовь, ни родство не имели силы, но лишь справедливый суд, равно как для простого рыцаря, так и для короля, и равно для бедной дамы и для королевы.

Тем временем прибыл сэр Мадор де-ла-Порте и перед королем под присягой повторил свое обвинение в том, что королева совершила предательство против его родича сэра Патриса.

— И клятву эту я готов подтвердить моей жизнью лицом к лицу со всяким, кто бы ни стал утверждать противное.

Тут выехал сэр Борс Ганский и сказал:

— Что до королевы Гвиневеры, то правда на ее стороне, и я готов доказать, что она не повинна в предательстве, в котором ее обвинили.

— Тогда готовься к бою, — молвил Мадор, — и мы увидим, кто из нас прав. — Сэр Мадор, — отвечал сэр Борс, — и знаю вас как доброго рыцаря. Но тем не менее я не побоюсь вас, ибо милостию божией я надеюсь против вашего гнева устоять. Ведь господину моему королю Артуру и госпоже моей королеве я обещал, что буду биться за ее правоту в этом деле до последнего, если только не объявится лучший рыцарь, нежели я, и возьмет этот бой на себя.

— Ты все сказал? — спросил сэр Мадор. — Либо кончай свои речи и выходи на бой, либо прямо скажи, что отказываешься от боя.

— Садись на коня, — отвечал сэр Борс, — я же, с божьей помощью, не заставлю тебя долго ждать, и ты получишь удовлетворение.

Тут разошлись они оба к своим шатрам и изготовились к бою верхами со всем возможным тщанием. И вот выехал на поле сэр Мадор со щитом на плече и с копьем в руке и поскакал по кругу, громким голосом обращаясь к королю Артуру:

— Выслушайте ко мне сюда вашего рыцаря на бой, или он боится?

Устыдился сэр Борс, пустив коня и выехал на другой конец поля. И тут вдруг видит он, как из ближнего леса выехал рыцарь на белом коне, и щит у него никому не известный, а на щите — никому не знакомый герб. Скачет рыцарь к ним во весь опор. Вот поравнялся он с сэром Борсом и говорит:

— Любезный рыцарь, прошу вас, не гневайтесь, ибо этот поединок должен достаться лучшему рыцарю, нежели вы. И потому, прошу вас, отступитесь, ибо знайте, что я прискакал сюда издали и этот поединок по праву должен достаться мне. Так уговорился я с вами, когда мы виделись в последний раз, и я теперь благодарю вас от всего сердца за вашу доброту. Тогда сэр Борс поскакал к королю Артуру и сказал ему, что на поле объявился другой рыцарь и желает сразиться за королеву.

— А что он за рыцарь? — спросил король.

— Я не знаю, — отвечал сэр Борс, — но он так условился со мною, что будет здесь в день поединка. Итак, господин мой, — сказал сэр Борс, — я уступаю поле боя.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БИЛСЯ ЗА КОРОЛЕВУ С СЭРОМ МАДОРОМ И КАК ОН ОДОЛЕЛ СЭРА МАДОРА И ОПРАВДАЛ КОРОЛЕВУ Тогда король окинула того рыцаря и спросила его, правда ли, что он желает сразиться за королеву.

И ответил тот:

— Сэр, для того я и прибыл сюда. И потому, король, не удерживай меня долее, ибо я сразу же по окончании поединка должен буду поспешить отсюда прочь, ведь меня ждет еще много поединков в других местах. Ибо знайте, — сказал рыцарь, — что вам и всем рыцарям Круглого Стола позорно смотреть, как столь благородная дама и столь милостивая коро-

лева, как Гвиневра, подвергается у вас на глазах наветам и поношениям. И дивились все, там собравшиеся: кто бы мог быть этот рыцарь, взявший на себя поединок? Ибо ни один его не признал, кроме сэра Борса. Между тем, сказал королю сэр Мадор де-ла Порте:

— Сейчас я узнаю, кто таков мой противник!
И вот разъехались они в концы поля, там наставили копья и ринулись друг другу навстречу со всей мощью. И Мадорово копье разбилось на куски, но копье его противника осталось цело, и оно отбросило сэра Мадора вместе с конем назад и сокрушило наземь. Но он ловко и проворно высвободил ноги из стремян, загородился щитом, обнажил меч и крикнул тому рыцарю, чтобы он спешился и бился с ним на мечах.

Сошел тот рыцарь с коня, перетянул наперед щит свой и обнажил меч. И бросились они яростно в бой, и осмалли один другого жестокими ударами, то насадая, то отступая, то сшибая мечи, словно два диких вепря, и так сражались они целый час. Ибо этот сэр Мадор был рыцарь могучий, не раз отягчавшийся в богатырских боях. Но под конец противник поверг сэра Мадора наземь и тут же подступил к нему, дабы прижать его плашмя к земле. Но сэр Мадор успел вскопчить и, поднимаясь, пробил тому бедро, так что кровь брызнула струей.

Когда он почувствовал рану и увидел кровь свою, он дал сэру Мадору подняться на ноги, а потом нанес ему по шлему мечом удар такой силы, что тот плашмя растянулся на земле.

Тогда подошел он к нему и хотел сорвать шлем у него с головы. Но сэр Мадор взмолился о пощаде. И признал он себя побежденным и ему покорился, объявив, что берет назад обвинение против королевы.

— Я не пощажу твоей жизни, — отвечал рыцарь, — пока ты не откажешься навсегда от всех поклонов на королеву и не покаянешься, что на могиле сэра Патриса не будет даже упомянуто, что будто бы его убил с согласия королевы Гвиневеры.

— Даю в этом клятву, — отвечал сэр Мадор, — и раз и навсегда беру назад все мои обвинения.

После этого рыцари с Мадорова конца поля подняли сэра Мадора с земли и отвели его к его шагрю. А тот, другой, рыцарь направился прямо к подножью ложи, где сидел король Артур.

К этому времени королева уже возвратилась к королю, и они сердечно поцеловались. Когда же король увидел того рыцаря, он наклонился к нему и благодарил его, и королева тоже. И попросил его король снять шлем и отдохнуть с ними и принять от него кубок вина.

Снял он шлем с головы, чтобы выпить вино, и тогда все рыцари узнали в нем сэра Ланселота. И лишь только увидел король, что это сэр Ланселот, он взял за руку королеву, подвел ее к нему и сказал:

— Сэр, грамерси за ваши ратные труды, что приняли вы нынче за меня и за мою королеву.

— Мой государь, — отвечал сэр Ланселот, — знайте, что мой неизменный долг — всегда выступать на вашей стороне и на стороне госпожи моей королевы и биться за вас обоих, ибо вы, господин мой, посвятили меня в высший Орден Рыцарства, и в тот же день госпожа моя, ваша королева, ока-

зала мне великую милость. Так что, не храни я вам верности, позор был бы мне, ибо в тот самый день, когда я принял от вас посвящение в рыцари, я вполыхах обронил меч, и госпожа моя, ваша королева, нашла его, спрятала в шлейфе своего платья и передала его мне, когда он мне как раз понадобился. Если бы не она, я был бы опозорен перед всеми рыцарями. И потому, господин мой Артур, в тот день я поклялся ей всегда, и в правде, и в неправде, быть ее верным рыцарем.

— Грамерси, — молвил король, — за ваш поспешный приезд. И знайте, — сказал король, — я не останусь у вас в долгу за ваше благородство.

А королева все глядела и глядела на сэра Ланселота и под конец так разрыдалась от всего сердца, что едва не упала на пол от горькой мысли, что он был к ней так добр, тогда как она обошлась с ним так немилостиво. Между тем окружил его рыцари из его рода, и все приветствовали его и радовались ему от души. Вслед за ними приблизились и все остальные рыцари Круглого Стола, кто был там в то время, и поздравили его с возвращением.

А вскоре сэр Мадор исцелился собственным искусством от полученных ран, и сэр Ланселот тоже был исцелен от раны в бедре. И было там при дворе великое веселье и множество развлечений.

КАК СТАЛА ИЗВЕСТНА ПРАВДА ЧЕРЕЗ ДЕВУ ОЗЕРА И О МНОГИХ ДРУГИХ ВЕЩАХ ❖ И случилось так, что Дева Озера по имени Нинева, которая была женой доброго рыцаря Пеллеаса, тоже явилась ко двору короля Артура, ибо она неизменно помогала королю и всем его рыцарям своими чарами и волшебством. И когда она прослышала о том, как королева попала в беду из-за смерти сэра Патриса, то она во всеусумашанье объявила, что королева ни в чем не повинна, и открыла людям, кто это сделал, и назвала имя сэра Пионеля и за что он его убил. И стало это всем известно и всем открыто, и так королева была оправдана¹. А этот рыцарь сэр Пионель сбежал в свою страну, и был он повсюду ославлен как отравитель,

ибо он напился ядом на пиру яблоки, желая погубить сэра Гавейна за то, что сэр Гавейн и его братья убили сэра Ламорака Уэльского, которому сэр Пионель приходился родичем.

А сэра Патриса вскоре похоронили в гробнице в Вестминстерской церкви, и сверху на гробнице было начертано:

Здесь покоится сэр Патрис Ирландский, убитый сэром Пионелем Свиерпим, который напился ядом яблоки, дабы отравить сэра Гавейна, но, по несчастью, сэр Патрис съел одно из тех яблок, и тут же его влуд разорвало». И еще было написано на гробнице, как в смерти сэра Патриса была обвинена сэром Мадором де-ла Порте королева Гвиневра, а дальше излагалось, как сэр Ланселот сражался за королеву Гвиневру и одержал верх

и честном поединке. Все это было начертано на могиле сэра Патриса и оправдание королевы.

Сэр же Мадор долго и неотступно искал милости королевы и под конец, благодаря заступничеству сэра Ланселота, завоевал королевино доброе расположение, и все было прощено и забыто.

Так все шло до самого Успеня Богородицы. За две недели король распорядился огласить повсюду, что в день праздника у стен Камелота, который иначе зовется Винчестер, состоится большой турнир. И повелел король гласшатаям объявить, что он сам вместе с королем скоттов будет сражаться против всех, кто ни вздумает на них выйти.

Когда был тот клич повсюду оглашен, съехались туда многие добрые рыцари: король Северного Уэльса, и король Англиканс Ирландский, и Король-с-Сотней-рыцарей, и сэр Галахаальт, Высокородный Принц, и король Нортумберландский и еще многие благородные графы и герцоги из многих стран.

Вот приготовился король Артур ехать на турнир и стал звать с собой королеву, но она сказала, что не поедет, потому что больна и не в силах сидеть на лошади.

— Это жаль, — сказал король, — ибо вот уже семь лет, как вы не могли любоваться столь славным собранием рыцарства, с самого того дня, как сэр Галахад покинул наш двор.

— Право, — отвечала королева, — вы должны меня извинить, ибо я не могу ехать.

А многие при дворе полагали, что королева не хочет уезжать из-за сэра Ланселота: ибо он не сопровождал короля, так как еще не оправился от раны, нанесенной сэром Мадором.

Опечаленная король и в великом гневе отправился в Винчестер со своею дружиной. На пути случилось королю остановиться ночлегом в городе, который назывался Астолат, а по-английски — Гилфорд². И там расположился он в замке.

Королева же, когда король уехал, призвала к себе сэра Ланселота и сказала ему так:

— Сэр, вы дурно поступили, что не последовали за королем, моим супругом. Ведь что теперь подумают и скажут ваши недруги и мои? «Посмотрите, как сэр Ланселот постоянно норовит отстать от короля, и королева тоже, и все затем, что они хотят насладиться любовью друг с другом». Вот что они станут говорить, — сказала королева.

Chapter xij.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОЕХАЛ В АСТОЛАТ И ПОЛУЧИЛ ТАМ ОТ ОДНОЙ ДЕВИЦЫ РУКАВ, ДАБЫ НОСИТЬ ЕГО НА ШЛЕМЕ

— Это верно, госпожа, — отвечал сэр Ланселот, — я признаю вашу правоту. Но давно ли вы сделали столь рассудительны? Теперь, госпожа моя, согласен поступить по вашему совету: нынешней ночью я отдохну и завтра чуть свет поспеку в Винчестер. Но только знайте, — сказал сэр Ланселот королеве, — я на этом турнире буду выступать против короля Артура и против всей его дружины.

— Сэр, поступайте там, как вам будет угодно, — сказала королева, — но мой вам совет: не сражайтесь против вашего короля и против ваших товарищей, ведь среди них будет немало стойких бойцов, будут и ваши родичи. — Госпожа, — отвечал сэр Ланселот, — я готов встретить любые опасности, какие ни пошлет мне бог.

И вот рано поутру он отслушал обедню, утолил голод, простился с королевой и отправился в путь. И он скакал во весь опор и как раз случилось, что к ночи он достиг Астолата и подъехал к замку старого барона по имени Барнарда Астолатский. Когда въезжал сэр Ланселот в замок на ночлег, его заметил король Артур, гулявший в то время в саду под стеной замка, и сразу же его узнал.

— Ну, сэр, — сказал король Артуру своим рыцарям, которые гуляли с ним у стен замка, — сейчас я видел рыцаря, — сказал он, — который на турнире, могу поручиться, покажет чудеса.

— Кто же он? — спросили рыцари.

— Пока еще вы этого от меня не узнаете, — отвечал король.

И улабнувшись, он удалился в свой покой.

Когда сэр Ланселот стал в отвесном ему покое располагаться на ночь и снял с себя доспехи, к нему явился старый барон сэр Барнард и приветствовал его любезнейшим образом. Однако он не узнал сэра Ланселота.

— Любезный сэр, — сказала сэр Ланселот своему хозяину, — прошу вас, не ссудите ли вы меня щитом, который не был бы известен повсеместно, ибо мой щит знаком всем?

— Сэр, — отвечал его хозяин, — ваше желание будет исполнено, ибо вы кажетесь мне одним из достойнейших рыцарей, каких мне случалось видеть, и потому я готов оказать вам дружеское расположение. — И еще он сказал: — Сэр, знайте, что у меня есть два сына, и они лишь недавно получили посвящение в рыцари. Старшего зовут сэр Тиррей, и он был ранен в тот самый день, как принял рыцарское посвящение, и по сей час не может сесть на коня; его щит вы и получите, ибо, ручаясь, он известен только здесь и больше нигде. А второго моего сына зовут сэр Лавейн. И с вашего позволения, он поедет вместе с вами на турнир, ибо для своего возраста он крепок и силен. Мое сердце сразу расположилось к вам, так что вы, должно быть, рыцарь благородный. И потому я прошу вас, назовите мне ваше имя, — сказал сэр Барнард.

— Что до этого, — отвечал сэр Ланселот, — то вы должны меня покамест извинить. Если, с милостью божией, я преуспею на турнире, тогда я возвращусь и назову вам мое имя. Но я прошу вас, как бы ни обернулось дело, все равно посылать вместе со мною вашего сына сэра Лавейна и позволить мне воспользоваться щитом его брата.

— Сэр, все это будет исполнено, — отвечал сэр Барнард.

А у этого старого барона была дочь, которую в то время все называли Прекрасной Девой из Астолата, и она, не отрываясь, глядела на сэра Ланселота с великим восхищением. (И как рассказывается в книге, она воспылала к сэру Ланселоту столь сильной любовью, что так и не смогла ее никогда разлюбить, и от этого умерла. Имя же ее было Элейна Белокурая.) Она входила туда и выходила много раз, и так разгорелась ее любовь, что

под конец она спросила сэра Ланселота, чтобы он на турнире носил ее знак. — Девушка, — сказал сэр Ланселот, — если бы я согласился на эту вашу просьбу, вы смогли бы сказать, что ради вас я сделал большее, нежели ради какой-либо другой дамы или девушки за всю мою жизнь.

Но тут он вспомнил, что едет на турнир в чужом обличии, и оттого что прежде он никогда не надевал знаков ни одной дамы, он решил надеть теперь ее знак, чтобы никто из его родичей не заподозрил, что это он. И тогда он сказал:

— Прекрасная девушка, я согласен носить ваш знак на шлеме. И потому покажите мне, каков он.

— Сэр, — она отвечала, — это мой красный рукав из тонкой ткани², шитый крупным жемчугом.

И она принесла его сэру Ланселоту. Сэр Ланселот принял его и сказал:

— Никогда еще я не давал этого ни для одной девушки. И он передал этой прекрасной деве на хранение свой щит и просил ее сбегать к нему, пока он, сэр Ланселот, не возвратится. И в тот вечер сэра Ланселота принимали там с особым радушием и веселием, ибо девушка Элейна все время, пока ей дозволено было, находилась подле сэра Ланселота.

КАК НАЧАЛАСЬ В ВИНЧЕСТЕРЕ ТУРНИР, И КАКИЕ РЫЦАРИ ТАМ БЫЛИ, И О ПРОЧИХ ДЕЛАХ

А назавтра поутру король Артур и все его рыцари снова пустились в путь, ибо король и так провел там целых три дня, поджидая, пока соберутся все его благородные рыцари. Когда же король отъехал, сэр Ланселот и сэр Лавейн тоже собрались в дорогу, и у обоих у них были белые щиты, и еще сэр Ланселот вез с собою красный рукав девушки Элейны.

И вот они простились с сэром Барнадом, старым бароном, и с его дочерью, Прекрасной Девой из Астолата, и пустились в путь, и скакали до тех пор, пока не достигли Камелота, как звался в те времена Винчестер. А там собралось уже великое множество королей, герцогов, графов и баронов и всевозможных благородных рыцарей. Но сэр Ланселот с помощью сэра Лавейна нашел себе тайно пристанище у одного богатого горожанина, так что никто в городе не знал, где они остановились. И там они отдыхали, пока не настала, наконец, праздник Успенья Богородицы, на когда назначен был турнир.

И вот, проиграла на поле трубы и король Артур уселся на высоких подмостках дабы лучше видеть, кто выкажет себя лучшим из всех рыцарей (но, как рассказывает Французская Книга, король не отпустил от себя сэра Гавейна, потому что сэр Гавейн никогда не одерживал верх, если на поле боя был сэр Ланселот, и много раз терпел сэр Гавейн поражения, когда сэр Ланселот вот так появлялся под чужим обличьем), — и тогда нинье из коро-

лей, как король Ангвисанс Ирландский и король Скоттов, изготовившись к бою на стороне короля Артура. А на другой стороне были король Северного Уэльса, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и король Нортумберландский, и сэр Галахальт-Высокородный Принц. Но эти три короля и один барон были слишком слабы против Артуровой стороны, ибо с теми были благороднейшие рыцари мира.

И вот когда они разехались в противоположные концы поля, и каждый рыцарь изготовился сделать все, что ему под силу, тогда снаряжился к бою и сэр Ланселот и прикрепил себе на шлем красный рукав. И с тем сэр Ланселот и сэр Лавейн тайно выехали из Винчестера и укрылись в зеленом лесу позади той партии, что должна была биться против рыцарей короля Артура. Там выждали они, пока не сошлись обе стороны в сражении. И вот выехали с Артуровой стороны король Скоттов и король Ирландии, а против них — король Нортумберландский и Король-с-Сотней-Рыцарей. И началась тут жаркая схватка. Король Скоттов поверг наземь короля Нортумберландии, а Король-с-Сотней-Рыцарей сокрушил короля Ангвисанса Ирландского. Потом сэр Паламид, выступавший на стороне короля Артура, встретился с сэром Галахальтом, и они сокрушили наземь один другого, каждая сторона поспешила на подмогу своему рыцарю, и снова подсадили их на коней. И бросались тут в бой обе стороны.

Выехали сэр Брандел, сэр Саграмур Желанный, сэр Додинас Свирепый, сэр Кэй-Сенешаль, сэр Гриффлет-Божий Сын, сэр Лукан-Дворецкий, сэр Бедивер, сэр Агравейн, сэр Гахерис, сэр Мордред, сэр Мелют Логрский, сэр Озанна-Храброе Сердце, сэр Сафир, сэр Эпниогрис, сэр Галерон Галовейский. Все эти пятнадцать рыцарей были рыцари Крутого Стола, и они вместе с другими набросались на противную сторону и потеснили короля Нортумберландского и Короля Северного Уэльса.

Видит это сэр Ланселот, укравшийся поблизости в зеленом лесу, и говорит он сэру Лавейну так:

— Вагляните, вон добрая рыцарская дружина, и они держатся сплоченно, точно вепри, преследуемые гончими псами.

— Это правда, — отвечал сэр Лавейн.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ЛАВЕИН ВЫСТУПИЛИ ПРОТИВ РЫЦАРЕЙ АРТУРОВА ДВОРА, И КАК ЛАНСЕЛОТ БЫЛ РАНЕН

— А теперь, — сказал сэр Ланселот, — если вы мне поможете немного, вы увидите, как вся эта дружина, что сейчас так теснит рыцарей нашей стороны, столь же быстро откатится назад, как сейчас продавлялась вперед.

— Сэр, не мешкайте из-за меня, — отвечал сэр Лавейн, — ибо я сделаю, что смогу.

И вот сэр Ланселот с сэром Лавейном выехали на поле и вмешались в самую гущу схватки, и сэр Ланселот поверг наземь сэра Брандела, сэра Саграмура, сэра Додинаса, сэра Кэя и сэра Гриффлета,

всех — одним копьём. А сэр Лавейн сокрушил сэра Лукана-Дворецкого и сэра Бедивера. Потом сэр Ланселот взял другое копьё, потяжелее, и им сокрушил сэра Агравейна и сэра Гахериса, сэра Мордредра и сэра Меллота Логрского, а сэр Лавейн сокрушил сэра Озаниу-Храброе Сердце. Затем сэр Ланселот извлек из седла сэра Сафира, сэра Эниногриса и сэра Галерона. И тогда рыцари Круглого Стола, поймав коней, как смогли, отступили.

— А, спаси нас Иисус! — сказал сэр Гавейн. — Что это за рыцарь, являющийся на турнирном поле такие чудеса?

— Я знаю, кто он, — отвечал король, — но покамест ещё его имени не назову. — Сэр, — сказал сэр Гавейн, — по посадке и по ударам, которые он наносит, и вы сказал, что это сэр Ланселот. Но мне думается, что это все-таки не он, ибо этот рыцарь носит на шлеме красный рукав, а я никогда не видел, чтобы сэр Ланселот носил на турнире знак какой-либо дамы или девицы.

— Оставим его, — молвил король, — ибо прежде чем он уедет, он ещё не так отдалится и выкажет себя.

Между тем та сторона, что выступала против короля Артура, ободрилась, и рыцари, недавно отступавшие, снова сплотились и бросились в бой. Тогда сэр Борс, сэр Эктор Окраинный и сэр Лионель стали скликать рыцарей — своих родичей, как сэр Бламур Ганский, сэр Блеоберис, сэр Алддук, сэр Галихуд, сэр Галиходдин и сэр Белингер Жестокий. И вот эти девять рыцарей Ланселотова рода стали мощно теснить противную сторону, ибо они все были славные рыцари, и пылая жаждой мести, они с великой яростью устремились против сэра Ланселота и сэра Лавейна, ибо они не догадывались, кто это.

И вот сшибались они с разгона, и было повержено наземь немало рыцарей Нортумберландии и Северного Уэльса. И видя все это, успел сэр Ланселот схватить большое копьё, и в тот же миг налетели они на него разом все трое: и сэр Борс, и сэр Эктор, и сэр Лионель. Они ударили на него в три копыя и силой своею опрокинули Ланселотова коня на землю. И на беду сэра Борса пробил сэру Ланселоту щит и ранил его в бок, и копьё его при этом сломалось, и наконецник остался у сэра Ланселота в боку.

Когда увидел сэр Лавейн своего покровителя поверженным, он ринулся на короля скоттов и выбил его из седла; а коня изловил и подвел к сэру Ланселоту, и хотя кругом его теснили противники, сумел посадить сэра Ланселота в седло. И тогда сэр Ланселот взял в руку копьё и сшиб наземь сэра Борса, и коня и всадника; так же обошелся он и с сэром Эктором, и с сэром Лионелем. А сэр Лавейн поверг наземь сэра Бламура Ганского. Сэр же Ланселот между тем обнажил меч свой, ибо он испытывал такую боль от своей раны, что уж думал настал его смертный час. И нанес он сэру Блеоберису по шлему удар такой силой, что тот рухнул на землю в беспомоществе, и так же обошелся он с сэром Алддуком и с сэром Галихудом. А сэр Лавейн сокрушил сэра Белингера, который был сыном Александра-Сироты.

Но к этому времени сэр Борс уже снова сидел на коне, и он вместе с сэром Эктором и с сэром Лионелем опять напал на сэра Ланселота, и ударили они

в три меча по шлему сэра Ланселота. Почувствовал он их тройной удар, и рана его тоже причиняла ему жестокую боль, и тогда он решил поспешить и успеть побольше, покада сила не оставила его вовсе. Обрушил он на шлем сэра Борса такой удар, от которого низко поникла у того голова, а он сорвал с него шлем и мог бы убить его, но, увидев его лицо, только стащил его с коня. И так же обошелся он с сэром Эктором и сэром Лионелем; ибо, как повествуется в Книге, он мог бы их зарубить насмерть, но когда он взглянул в их лица, сердце его не позволило это сделать, и он их оставил.

А после этого он устремился в самую гущу сражения и свершил там много чудеснейших бранных подвигов, когда-либо виданных на земле. С мечом в руках сэр Ланселот сшиб и стянул на землю, как говорит Французская Книга, более тридцати рыцарей, и почти все — рыцари Круглого Стола. И сэр Лавейн тоже немало отличился в тот день, сокрушив десятых рыцарей Круглого Стола.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ЛАВЕИН ОТБЫЛИ С ТУРНИРНОГО ПОЛЯ, И ОБ ОПАСНОСТИ, В КОТОРОЙ ОКАЗАЛСЯ ЛАНСЕЛОТ — Иисусе милосердный, — сказала сэр Лавейн королю Артуру, — я диву даюсь, кто бы мог быть этот рыцарь с красным рукавом?

— Сэр, — отвечал король Артур, — вы его узнаете, прежде чем он успеет покинуть турнирное поле.

И с тем протрубил король конец сражению, и глашатаи объявили, что первенство присуждается рыцарю с белым щитом и с красным рукавом на шлеме. И вот подыехал король Северного Уэльса, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и сэр Галахальт-

Воскордландский, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и сэр Галахальт-Воскордландский, и так сказали сэру Ланселоту:

— Любезный рыцарь, да благословит вас бог, ибо вы немало сделали для нас сегодня. И потому мы просим вас поехать с нами и принять все почести первенства, которое вы с честью завоевали.

— Любезные лорды, — отвечал сэр Ланселот, — знайте, если я и заслуживаю благодарности, то я купил ее дорогой ценой и очень в этом раскаиваюсь, ибо мне уже, видно, не быть более в живых. И потому, любезные мои лорды, прошу вас, позвольте мне уехать, куда я пожелаю, ибо я ранен жестоко. И мне дела нет до всех ваших почестей, ибо я предпочту сейчас отдых владычеству над целым миром.

И с тем он застоял жалостно и быстрым галопом усекал прочь и мчался, покада не достиг опушки леса. Когда же он увидел, что отъехал от турнирного поля без малого на милю и что теперь его наверняка оттуда не видно, тогда воскликнул он громким голосом с жалобным стоном:

— О, любезный рыцарь сэр Лавейн! Помогите мне извлечь этот обломок копыя из моего бока, ибо он являл меня столь жестоко, что жизнь вот-вот покинет меня.

— Ах, дорогой мой господин, — отвечал сэр Лавейн, — я бы с радостью исполнил ваше желание, но я очень боюсь, как бы мне, вытаскив этот обломок, не подвергнуть самую жизнь вашу опасности смерти.

— Велю вам, если вы любите меня, сей же час его извлечь!

И с тем сошел сэр Ланселот с коня, и сэр Лавейн тоже, и тут же выдернул он наконец копьё из его бока, и сэр Ланселот издал пронзительный крик и ужасный стон, и кровь хлынула из раны большой струей, и вылилась сразу чуть не целая пинта, так что под конец он покачнулся, сел прямо на землю и, лишившись чувств, упал, бледный и безжизненный.

— Увы, — промолвил сэр Лавейн, — что мне делать?

Он повернул сэра Ланселота так, чтобы ветер дул ему в лицо, и тот пролежал там замертво целых полчаса. Потом, наконец, открыл сэр Ланселот глаза и сказал:

— Ах, сэр Лавейн, помогите мне сесть на коня! Ибо здесь поблизости, отсюда в двух милях, живет благородный отшельник, бывший некогда славным рыцарем и владетельным лордом. Теперь он, из добродетели, принял нищенство и отказался от богатых своих земель. Имя его — сэр Бодуин Брентонский, и он славится как искусный лекарь и добрый врачеватель. Посмотрим же, не удастся ли мне туда добраться, ибо сердце мое говорит мне, что в руках моего доброго кузена я не умру.

И с великой мукой поднял его сэр Лавейн в седло, и они быстро поскакали вдвоём, а кровь все бежала у сэра Ланселота из раны и стекала прямо на землю. И привел их путь к жилищу отшельника под сенью леса, а напротив высилась большая скала и под нею был чистый источник. Сэр Лавейн постучал в ворота древком копьё и громко крикнул:

— Отворите, во имя Иисуса!

Вышел к ним прекрасный отрок и спрашивает, что им угодно.

— Сынок, — отвечал сэр Лавейн, — ступай и попроси твоего господина, во имя бога, пустить к себе раненого рыцаря. И скажи твоему господину, что сегодня у меня на глазах этот рыцарь свершил столько бранных подвигов, что я никогда и не слышал такого.

Отрок быстро ушел и вернулся с отшельником, благообразным старцем. Лишь только увидел его сэр Лавейн, он стал просить его, во имя господя, о помощи.

— А что он за рыцарь? — спросил отшельник. — Он из Артурова дома, или же нет?

— Я не знаю, — отвечал сэр Лавейн, — ни кто он, ни как его зовут, я только знаю, что сегодня у меня на глазах он совершил чудесные подвиги.

— На чьей же стороне он выступал? — спросил отшельник.

— Сэр, — отвечал сэр Лавейн, — сегодня он выступал против дружины короля Артура, но завоевал первенство среди всех рыцарей Круглого Стола.

— Я видел этот турнир, — сказал отшельник. — В прежние времена я бы не мог его любить, раз он дрался против господина моего короля Артура, ведь я сам некогда состоял в той дружине. Но теперь, благодарение богу, я сужу иначе. Но где же он? Ответите меня к нему.

КАК ЛАНСЕЛОТА ДОСТАВИЛИ К ОТШЕЛЬНИКУ ДЛЯ ИЗЛЕЧЕНИЯ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ. Сэр Лавейн привел отшельника к сэру Ланселоту. Увидел его отшельник склоненного к самой седельной луке и жестоко истекающего кровью, и показалось рыцарю-отшельнику, что прежде он его уже встречал. Но вспомнить, кто это, он не смог, потому что сэр Ланселот был очень бледен и обескровлен.

— Что вы за рыцарь? — спросил отшельник. — Откуда вы родом?

— Любезный мой господин, — отвечал сэр Ланселот, — я чужеземец и странствующий рыцарь, который путешествует из страны в страну, добывая себе славу.

Но тут отшельник присмотрелся получше и по шраму на щеке узнал в нем сэра Ланселота.

— Увы, господин мой! — сказал отшельник. — Почему скрываете вы от меня ваше имя? Клянусь богом, мне следовало бы узнать вас раньше, ведь вы — славнейший из рыцарей мира. Теперь-то я знаю,

что вы — сэр Ланселот.

— Сэр, — он отвечал, — раз уж вы меня знаете, то помогите мне, если можете, ради господя! Ибо жить мне или умереть, но я не могу больше терпеть эту боль.

— Не тревожьтесь, — сказал отшельник, — ибо вы будете еще долго жить и благоденствовать.

И с тем отшельник призвал к себе двоих слуг, и они перенесли сэра Ланселота к нему в дом, быстро сняли с него все доспехи и уложили его на постель. И тогда отшельник сразу же остановил ему кровь, дал ему испить доброго вина, так что он пришел в себя и силы начали к нему возвращаться. Ибо в те дни обычай был не таков, как теперь: тогда отшельниками становились только рыцари, некогда доблестные и благородные, и эти отшельники содержали богатые дома, где оказывали гостеприимство всем попавшим в беду.

А теперь мы обратимся к королю Артуру, оставив сэра Ланселота у отшельника. Когда съехались короли с обеих сторон и назначен был большой пир, король Артур спросил короля Северного Уэльса и его дружину, куда же девался рыцарь с красным рукавом на шлеме.

— Приведите его ко мне, — молвил король, — дабы он мог получить все хвалы и почести и награды, которые ему причитаются.

В ответ сказали ему сэр Галахальт-Высокородный Принц и Король-с-Сотней-Рыцарей:

— Мы боимся, что этот рыцарь так пострадал во время турнира, что едва ли мы его еще когда-нибудь увидим. И это величайшей жалости достойно.

— Увы, — сказал король Артур, — как это могло статься? Неужели он так сильно ранен? Однако как его имя? — спросил король Артур.

— Правду сказать, — они все отвечали, — мы не знаем ни имени его, ни откуда он родом, ни куда держал он путь.

— Увы, — сказала королева, — это плачевнейшие вести, какие я слышала за последние семь лет! Ибо за все земли, которыми я владею, я не согласилась бы, чтобы этот рыцарь был убит.

— Сэр, а разве вы знаете, кто он? — спросил все.

— Что до этого, — отвечал король Артур, — то знаю я его или нет, вы от меня ничего об нем не услышите, до тех пор пока всемогущий Иисус не пришлет мне от него добрых вестей.

— Клянусь головой, — сказал сэр Гавейн, — если в самом деле этот добрый рыцарь так жестоко ранен, то это большой ущерб для всего королевства, ибо он — один из благороднейших рыцарей, какого я когда-либо видел на турнирном поле с копьем или мечом в руке. И если только возможно найти его, я его найду, ибо я уверен, что он не мог далеко уехать из этого города.

— Сэр, вы правы, — сказал король Артур, — вы его разыщете, если только ему не настолько плохо, что он себя не помнит.

— Упаси Иисус! — отвечал сэр Гавейн. — Но знайте, что если только я найду его, я его непременно узнаю.

И с тем сэр Гавейн, взяв с собой оруженосца, сел на лошадь и объездил на шесть миль всю округу Камелота, но так и возвратился, не узнав про него никаких известий. А через два дня король Артур и вся его дружина отправились обратно в Лондон. И на возвратном пути случилось сэру Гавейну стать в Астолате на ночлег у того самого сэра Барнарда, у которого останавливался сэр Ланселот.

И вот когда сэр Гавейн удалился на отдых, сэр Барнард, старый барон, явился к нему в покой вместе со своей дочерью Элейной, чтобы приветствовать и расспросить его о новостях и о том, кто завоевал первенство на турнире в Винчестере.

— Да поможет мне бог, — отвечал сэр Гавейн, — там были два рыцаря с белыми щитами, и один из них еще носил красный рукав на шлеме, и он-то как раз и выказал себя лучшим из всех рыцарей, кого я когда-либо видел на турнирном поле. Ибо, думается мне, — сказал сэр Гавейн, — этот рыцарь с красным рукавом один сокрушил сорок рыцарей Круглого Стола, да и его товарищ тоже бился славно и искусно.

— Слава господу, — сказала Прекрасная Дева из Астолата, — что этот рыцарь так преуспел на турнирном поле! Ибо он — первый, кого я полюбила в жизни, и клянусь, будет последним, кого я когда-либо полюблю.

— Вот как, прекрасная девица? — сказала сэр Гавейн. — Значит, этот добрый рыцарь — ваш возлюбленный?

— Именно так, сэр, — она отвечала, — он мой возлюбленный.

— Тогда вам известно его имя?

— Нет, сэр, — отвечала девица, — имя его мне не известно, и откуда он к нам прибыл, я тоже не знаю, знаю только, что я люблю его, и в этом клянусь перед богом и перед вами.

— А как же вы с ним познакомились? — спросил сэр Гавейн.

КАК СЭР ГАВЕЙН ОСТАНОВИЛСЯ В АСТОЛАТЕ И ТАМ УЗНАЛ, ЧТО РЫЦАРЬ С КРАСНЫМ РУКАВОМ НА ШЛЕМЕ БЫЛ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ. И она рассказала ему все, что вы уже слышали, и как ее отец послал с ним ее брата, сэра Тиррея.

— А здесь у меня он оставил свой щит.

— Для чего же он так сделал? — спросил сэр Гавейн.

— Для того, — отвечала девица, — что его собственный щит хорошо знаком всем благородным рыцарям.

— Ах, благородная девица, — сказала сэр Гавейн, — не соблаговолите ли вы дать мне взглянуть один раз на этот щит?

— Сэр, — она отвечала, — он у меня в комнате, покрытый чехлом, и если вы последуете за мною, вы его увидите.

— Нет, нет, — сказал сэр Барнард своей дочери, — лучше пошлите за этим щитом.

Когда же щит был принесен, сэр Гавейн снял с него чехол, и когда он увидел щит, он сразу узнал, что это щит сэра Ланселота и его герб.

— А, милосердный Иисус! — воскликнул сэр Гавейн. — Теперь на сердце у меня еще тяжелее, чем было прежде.

— Отчего? — спросила девица Элейна.

— На то есть немалая причина, — отвечал сэр Гавейн. — Значит, рыцарь, которому принадлежит этот щит, и есть ваш возлюбленный?

— Да, воистину так, — она отвечала, — его я люблю. Молю господа, чтобы и он меня полюбил!

— Пошли бог вам удачи, — сказал сэр Гавейн, — прекрасная девица, ибо вы правы, ведь если ваш избранник — он, значит вы любите благороднейшего рыцаря в мире и мужа величайшей славы.

— Я и сама так думала, — сказала девица, — ибо ни один знакомый мне рыцарь прежде не внушал мне любви.

— Дай господи, — сказал сэр Гавейн, — вам вкусить радость друг с другом, но только это весьма сомнительно. Однако воистину, — сказал сэр Гавейн девице, — можно сказать, что вам выпала удача, ибо сколько я знаком с этим благородным рыцарем, а тому вот уже двадцать четыре года, никогда прежде ни я сам и никто из рыцарей, ручаюсь, тоже не видел и не слышал, чтобы он на турнирах и в поединках носил знак какой-нибудь дамы или девицы. И потому, прекрасная девица, вам должно быть ему благодарны. Но боюсь, — сказал сэр Гавейн, — что вы уже никогда не увидите его в этом мире, и это величайшей жалости достойно.

— Увы, — молвила она, — как это возможно? Разве он убит?

— Этого я не сказал, — отвечал сэр Гавейн, — но знайте, что он, сколько можно заключить, был жестоко ранен и, судя по его вилу, он, всего вернее, сейчас умер, а не жив. И знайте, что он — сам благородный рыцарь сэр Ланселот, ибо я узнал его по щиту.

— Увы! — воскликнула Прекрасная Дева из Астолат, — возможно ли это? Как он был ранен?

— Воистину, — отвечал сэр Гавейн, — его ранил тот, кто всех более его любит. Ручаюсь, — сказала сэр Гавейн, — что если бы рыцарь, ранивший его, знал правду, что он ранил сэра Ланселота, это было бы для него величайшим горем, когда-либо им испытанным.

— Мой любезный отец, — сказала тогда Элейна, — прошу у вас изволения на то, чтобы мне отправиться размышлять его, а иначе, я знаю, я сойду с ума. Ибо я ни за что не успокоюсь, пока не найду его и моего брата сэра Лавейна.

— Поступайте по своему желанию, — отвечал ей отец, — ибо я от души печалюсь ранам этого достойного рыцаря.

В тот же час собралась девица в путь и простилась с сэром Гавейном, горько плача и печалься. А сэр Гавейн на следующее утро явился к королю Артуру и поведал ему о том, как он нашел шит сэра Ланселота на хранении у Прекрасной Девы из Астолат.

— Я все это знал и раньше, — отвечал ему король Артур, — вот почему я и не позволил вам принять участие в турнире; ибо я видел его, когда он в позднем вечером прибыл в Астолат и остановился на ночлег. Но вот что дивит меня весьма, — сказал король Артур, — как это он согласился носить знак дамы на своем шлеме? Прежде я никогда не видел и не слышал, чтобы он носил знак хоть одной женщины на свете.

— Клянусь головой, сэр, — сказал сэр Гавейн, — Прекрасная Дева из Астолат любит его всей душой. К чему это все приведет, я не знаю. Но сейчас она отправилась на поиски его.

О ГОРЕ СЭРА БОРСА ИЗ-ЗА РАН ЛАНСЕЛОТА И О ГНЕВЕ КОРОЛЕВЫ ИЗ-ЗА РУКАВА, КОТОРЫЙ БЫЛ У ЛАНСЕЛОТА НА ШЛЕМЕ

Вскоре король и все остальные прибыли в Лондон, — и там сэр Гавейн открыл всему двору, что рыцарем, завоевавшим первенство на турнире, был сэр Ланселот. И когда сэр Борс услышал об этом, уж конечно, он опечалился жестоко, и все его сородичи тоже. Но когда узнала королева, что это сэр Ланселот носит на шлеме алый рукав Прекрасной Дамы из Астолат, она от гнева едва не лишилась рассудка. Она послала за сэром Борсом Ганским и призвала его явиться к ней без промедления.

И как только он к ней явился, сказала королева так:

— А, сэр Борс! Слышали ли вы, как сэр Ланселот коварно меня предал?

— Увы, госпожа, — отвечал сэр Борс, — боюсь, что он предал сам себя и всех нас.

— Пусть, — сказала королева, — хоть бы он и погиб, мне все равно, он — коварный рыцарь-изменник.

— Госпожа, — сказал сэр Борс, — прошу вас, не говорите так больше, ибо

знайте, я не могу слышать о нем такие речи.

— Почему это, сэр Борс? — сказала она, — разве я не могу назвать его из-

менником, если он носил во время турнира в Винчестере на своем шлеме чей-то красный рукав?

— Госпожа, — отвечал сэр Борс, — что он носил этот рукав, меня и самого печалит, но ручаюсь, он это сделала не из злого умысла, — он для того надевал этот красный рукав, чтобы никто из сородичей не мог его признать. Ибо до этого дня ни один из нас никогда не видел и не слышал, чтобы он носил знак какой-нибудь девицы, дамы или благородной женщины.

— Позор ему! — воскликнула королева, — И ведь при всей его заносчивости и бахвальстве вы выказали себя лучшим рыцарем, чем он.

— Нет, госпожа, не говорите так больше никогда, ибо он одолел меня и моих товарищей и мог бы нас убить, если бы только захотел.

— Позор ему! — сказала королева, — Я слышала, как сэр Гавейн рассказывал перед господином моим Артуром, что нет слов передать, какая любовь между ним и Прекрасной Девой из Астолат.

— Госпожа, — сказал сэр Борс, — я не могу запретить сэру Гавейну говорить, что ему вздумается, но что до господина моего сэра Ланселота, то я могу поручиться: он не любит ни одну девицу, ни даму, ни благородную женщину, но всех их почитает в равной мере. И потому, госпожа, — сказала сэр Борс, — можете говорить, что хотите, но знайте, что я поспешу на его поиски и найду его, где бы он ни находился, и бог да пошлет мне о нем добрые вести!

И на этом мы их оставляем и поведем речь о сэре Ланселоте, который лежал, страдая от жестокой раны. Когда прекрасная девица Элейна прибыла в Винчестер, она обыскала там все окрестности, и, по счастью, брат ее сэра Лавейн как раз прискакал на луг погарцевать и погорячить застоявшегося коня. И лишь только девица Элейна завидела его, она сразу его узнала и стала кончать ему громким голосом, пока он не расслышал и не подбежал к ней. И вот спрашивает она своего брата:

— Как поживает господин ваш сэр Ланселот?

— Кто скажет вам, сестра, что имя моего господина — сэр Ланселот?

И тогда она рассказала ему, как сэр Гавейн узнал его по его шлиту.

Поскакали они вместе и добрались до подворья отшельника, и там она сошла с коня. И отвел ее сэр Лавейн к сэру Ланселоту, и когда она увидела его столь больного и бледного на ложе, то не могла произнести ни слова, но вдруг упала без чувств на землю. И так она пролежала долгое время. А когда пришла в себя, то закричала так:

— О, господин мой сэр Ланселот! Увы, почему лежите вы здесь в болезни?

И снова лишилась чувств. Тогда сэр Ланселот попросил сэра Лавейна, чтобы он поднял ее и принес к его ложу. И когда она опять пришла в себя, сэр Ланселот поцеловал ее и сказал:

— Прекрасная девица, что с вами? Ведь вы причиняете мне еще большую боль. Почему вы так убиваетесь? Ведь если вы прибыли утешить меня, то добро вам пожаловать. Что же до этой моей легкой раны, то я от нее скоро уже оправлюсь, милостью божией. Но я диву даюсь, — сказал сэр Ланселот, — откуда известно вам мое имя?

И тогда девица ему все поведала, как сэр Гавейн, остановившись на ночлег у ее отца, признал шит сэра Ланселота и открыл им его имя.

— Увы! — сказала сэр Ланселот, — мне очень жаль, что мое имя стало известно, ибо я уверен, это обернется худом.

Ибо сэр Ланселот представил в душе своей, как сэр Гавейн непременно расскажет королеве Гвиневере о том, что у него был красивый рукав на шлеме, и чей это был рукав, и понял он, что от всего этого произойдет немало зла. Девца же Элейна не покинула сэр Ланселота, но смотрела за ним денно и ночью и так за ним ходила, что, как рассказывает Французская Книга, ни одна женщина не была нежнее ни с одним рыцарем. И однажды сэр Ланселот попросил сэра Лавейна послать людей в Винчестер и проследить, не объявятся ли там сэр Борс, и он научил его, по каким знакам узнать сэр Борса: по шлему на лбу.

— Ибо я уверен, — сказала сэр Ланселот, — что сэр Борс придет разыскивать меня, ибо он и есть тот бесстрашный рыцарь, ранивший меня.

КАК СЭР БОРС РАЗЫСКИВАЛ ЛАНСЕЛОТА И НАШЕЛ ЕГО У ОТШЕЛЬНИКА, И КАК ОНИ ОПЛАКИВАЛИ ЭТОТ ПЛАЧЕВНЫЙ СЛУЧАЙ ❖ А теперь обратимся мы к сэру Борсу Ганскому, который прибыл в Винчестер искать своего кузена сэра Ланселота. А там его признали люди сэра Лавейна и сообщили сэру Лавейну о его появлении, и тогда он нашел сэра Борса, приветствовал его и рассказал, от кого он прибыл.

— Любезный рыцарь, — сказал ему сэр Борс, — я рад встрече с вами и прошу вас, проводите меня к господину моему сэру Ланселоту.

— Сэр, — отвечал сэр Лавейн, — садитесь на коня, и не пройдет и часа, как вы его увидите. И вот пустились они в путь и прибыли к пещере отшельника. И когда сэр Борс увидел сэра Ланселота на ложе, смертельно бледного и обескровленного, он переменился в лице и от

жалости и любви не мог говорить, но долго прегорестно плакал. Когда же речь к нему вернулась, он сказал так:

— О, господин мой сэр Ланселот, бог да благословит вас и ниспослет вам скорое выздоровление! Ибо я жестоко страдал от моей беды и злосчастия. Ведь я и впрямь могу похвастаться злосчастием и боюсь, господь разгневался на меня, что наслал на меня такой позор и попустил меня ранить вас, главного и славнейшего среди нас. Вот почему я почитаю себя злосчастливым рыцарем. Увы, зачем только такой ничтожный рыцарь в мире! Ведь когда я так постыдно напал на вас и одолевал вас числом, вы могли меня убить, но вы меня пощадили. Я же поступил не так, ибо я и все наши родичи билась с вами без пощады. Дивно мне, — сказал сэр Борс, — что сердце мое и кровь моя не отказались мне служить. И за это я, господин мой сэр Ланселот, прошу вашего прощения.

— Любезный кузен, — отвечал сэр Ланселот, — добро вам сюда пожаловать, и знайте, вы из любви ко мне наговорили на себя чересчур много, мне же это вовсе не по вкусу, ибо и на мне вина не легче вашей: я по гордые желала непременно одолеть вас всех. Из-за этой-то гордыни я едва и не полатился жизнью, и в этом я сам виноват. Ведь я мог бы вас уведомить о себе, и тогда не получила бы этой раны. Ибо так и древняя пословица говорит: «Жестока та битва, когда брат бьется с братом и друг сражается с другом», ведь в такой битве не будет пощады, но лишь смертное кровопролитие. И потому, любезный кузен, — сказал сэр Ланселот, — оставьте эти речи, и встретим с радостью все, что ни пошлет господь. Оставим же это и поговорим о чем-нибудь веселом, ведь что сделано, то уже сделано. Лучше пощем для меня скорейшего исцеления.

Тут сэр Борс склонился на край его кровати и поведал сэру Ланселоту, как разгневана на него королева за то, что он носил во время турнира красивый рукав на шлеме. И еще он поведал ему о том, как сэр Гавейн все раскрыл через щит, который оставался у Прекрасной Девы из Астолата.

— Так значит королева гневается? — сказала сэр Ланселот. — Это меня жестоко печалит, но ведь я не заслужил ее гнева, я же поступил так только затем, чтобы не быть узнаанным.

— Сэр, так я и объяснял ей, — сказала сэр Борс, — но все было напрасно, ибо она говорила мне против вас гораздо больше, чем я сейчас передаю вам. Но, сэр, эта девица, что так хлопочет здесь возле вас, — спросил сэр Борс, — это и есть та, кого люди зовут Прекрасной Девой из Астолата? — Имено так, это она, — отвечал сэр Ланселот, — и я никаким способом не могу удалить ее от себя.

— А зачем вам удалять ее от себя? — спросил сэр Борс. — Ведь она прекрасна собой, богато наряжена и всему научена. Вот если бы, волей божей, любезный кузен, — сказал сэр Борс, — вы могли бы полюбить ее, но в этом я не могу и не смею ни советовать вам, ни указывать. Однако я вижу по ее прилежанию, — сказал сэр Борс, — что она вас любит всей душой.

— Об этом я весьма сожалел, — сказала сэр Ланселот.

— Ну что ж, — сказал сэр Борс, — она не первая, кто хлопочет об вас напрасно, и это тем более жалости достойно.

И так они беседовали еще о многих других вещах. А дня через три или четыре сэр Ланселот вновь почувствовал себя крепким и сильным.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОБЛАЧИЛСЯ В ДОСПЕХИ, ДАБЫ ПРОВЕРИТЬ, В СИЛАХ ЛИ ОН НОСИТЬ ОРУЖИЕ, И КАК ВНОВЬ ВСКРЫЛИСЬ ЕГО РАНЫ ❖ И тогда сэр Борс сообщил ему о том, что король Артур поклялся устроить под Винчестером большой турнир между своими рыцарями и рыцарями Короля Северного Уэльса, и назначил его на День Всех Святых.

— Это правда? — сказал Ланселот. — Тогда пробудьте здесь со мною еще немного, пока я совсем не оправляюсь, ибо я и сейчас уже чувствую себя изрядно окрепшим и сильным.

— Слава господу! — сказал сэр Борс.

И пробыли они там вместе почти целый месяц, и все это время девица Элейна денно и ночью хлопотала и заботилась о сэре Ланселоте, и никогда ни жена ни дитя не были так кротки с мужем и отцом, как Прекрасная Дева из Астолата с сэром Ланселотом; и сэр Борс был за это ею очень доволен. И вот однажды, уговорившись между собою, сэр Лавейн, сэр Борс и сэр Ланселот попросили отшельника поискать в лесах различные травы, и потом сэр Ланселот послал прекрасную Элейну собрать этих трав ему для купания. А тем временем сэр Ланселот велел сэру Лавейну облачить его в полные доспехи и хотел испытать, сможет ли он сидеть верхом и держать в руках копые после своей раны?

Вот сел он в седло, натянул сильно удила, а конь под ним заиграл и стал рваться в галоп, ибо он целый месяц не чуял поводьев. И попросил сэр Ланселот сэра Лавейна подать ему тяжелое копые, и упер сэр Ланселот древко копыя в железный упор. Скакун под ним рванулся вперед, почувя шпоры, и седок, искуснейший в мире наездник, напрягся мочуе и твердо, и копые его не дрогнуло в упоре. Но при этом сэр Ланселот напрягся так сильно, направляя вперед скакуна, что затянущаяся рана его разорвалась изнутри и наружи и кровь хлынула мощной струей, и он почувствовал такую слабость, что не мог удержаться в седле. И тогда крикнул сэр Ланселот: — А, сэр Борс и сэр Лавейн, на помощь! Ибо пришел конец мой!

И с тем повалился он на сторону с копыя своего и рухнул наземь замертво. Бросились к нему сэр Борс и сэр Лавейн с громкими возгласами горя. И случилось как раз девице Элейне услышать их крики, и она возвратилась туда, и когда увидела сэра Ланселота в доспехах, то стала плакать и кричать, точно безумная. Она целовала его и всеми способами пыталась привести в чувство, а потом стала упрекать брата своего и сэра Борса, называя их изменниками и предателями:

— Как решились вы поднять его с ложа? — говорила она. — Знайте же, что если он умрет, я обвиню вас перед судом в его смерти!

Тем временем явился туда отшельник, сэр Бодуин Бретонский, и увидя сэра Ланселота лежащим замертво, не сказал ничего, но знает, что уж конечно он был сильно разгневан. Он велел поднять его, и они отнесли его в дом, сняли с него доспехи и уложили на постель; и все время из раны его, не переставая, бежала кровь, и он лежал недвижно, не шевеля ни рукой ни ногой. Тогда рыцарь-отшельник вложил что-то ему в нос и влил немного питья ему в рот, и сэр Ланселот, наконец, очнулся. Отшельник остановил ему кровь, и когда сэр Ланселот смог говорить, спросил его, отчего он подверг жизнь свою столь великой опасности.

— Оттого, сэр, — отвечал сэр Ланселот, — что я полагал себя уже довольно окрепшим, а сэр Борс как раз сообщил мне, что на День Всех Святых назначен большой турнир между королем Артуром и королем Северного Уэльса. И потому я подумал испытать свои силы: смогу ли я участвовать в том турнире или же нет.

— Ах, сэр Ланселот, — сказал отшельник, — ваше мужество и ратный дух ваш неистребимы до последнего дня вашей жизни. Однако послушайте ныне моего совета: отошлите от себя сэра Борса, и пусть он, как может, отличит-

ся на турнире. И с божьей помощью, — сказал отшельник, — к тому времени, когда окончится турнир и сэр Борс возвратится к вам, вы, сэр, будете здоровы, если только станете исполнять мои веления.

КАК СЭР БОРС ВОЗВРАТИЛСЯ С ВЕСТЯМИ О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ И О ТУРНИРЕ, И О ТОМ, КОМУ ДОСТАЛОСЬ ТАМ ПЕРВЕНСТВО? И вот собрался в путь сэр Борс, стал прощаться, и сказал ему сэр Ланселот: — Любезный кузен сэр Борс, поклонитесь от меня всем, кому должно. И прошу вас, уж вы постарайтесь отличиться на этом турнире, ради меня, не пожалейте трудов. Я же буду ждать здесь, с милостью божьей, вашего возвращения. И с тем сэр Борс уехал и прибыл ко двору короля Артура и там рассказал о том, где он оставил сэра Ланселота.

— Весьма жаль, — сказал король. — Но он будет жить, и за это мы все можем возблагодарить господя.

Потом сэр Борс рассказал королеве, как сэр Ланселот едва не умер, когда пытался сесть в седло.

— И все это он сделал ради вас, ибо он хотел быть на турнире.

— Позор ему, малодушному рыцарю! — сказала королева. — Знайте, я от души сожалею, что он не умер.

— Госпожа, как бы то ни было, он не умер и будет жить, — отвечал ей сэр Борс, — и всякому, кто желает ему иного, кроме вас, госпожа, мы, его сородичи, всегда готовы укоротить дни жизни! Но вы госпожа, — сказал сэр Борс, — и прежде часто бывали недовольным господином моим сэром Ланселотом, и всякий раз под конец убеждалась, что он верный рыцарь.

И, так сказав, он ее оставил. Между тем, все рыцари Круглого Стола, что были там в то время, готовились к турниру, назначенному на День Всех Святых. И съезжались туда многие рыцари из разных стран. А когда приближился День Всех Святых, туда прибыл король Северного Уэльса и Король-с-Сотней-Рыцарей, и сэр Газахальт-Высокородный Принц Сурулузский. И еще туда прибыл король Англиканс Ирландский, и король Нортумберландский, и король скоттов. Эти три короля прибыли, чтобы выступить на стороне короля Артура.

И в день турнира первым выехал сэр Гавейн, и он свершил великие браньницы подвиги; герольды подсчитали, что сэр Гавейн сокрушил один двадцать рыцарей. Но и сэр Борс Ганский выехал одновременно с ним, и про него тоже подсчитали, что он сокрушил двадцать рыцарей; и потому первенство было присуждено им обоим, ибо они выступили всех ранее и всех долее оставались на турнирном поле. Также и сэр Гарет, как повествуется в Книге, отличился немало на том турнире, ибо он повеял на седла и стянул на землю тридцать рыцарей; но совершив столько подвигов, он не задержался на поле, а ускакал прочь и потому лишился первенства. И сэр Паломид тоже в тот день отличился немало, ибо он поверг наземь два-

дцать рыцарей, но и он покинул вдруг турнирное поле, так что люди полага-ли, что он вместе с сэром Гаретом поспешил на поиски новых приключений. По окончании же турнира сэр Борс тоже поспешил прочь и возвратился к сэру Ланселоту, своему кузену. Он застал его уже на ногах, и они оба весьма обрадовались встрече.

Рассказал сэр Борс сэру Ланселоту о том, как прошел турнир, что вы уже слышали выше.

— Я удивляюсь,— сказал сэр Ланселот,— как это сэр Гарет, так отличившись на турнире, не остался там.

— Сэр, мы все тому дивились,— сказал сэр Борс,— ведь не считая вас и благородного рыцаря сэра Тристрама или благородного рыцаря сэра Ламорака Уэльского, я не видел рыцаря, который мог один повергнуть наземь в столь краткий срок столько рыцарей, как сэр Гарет. Но теперь он ускакал, и мы не знаем, что с ним дальше стало.

— Клянусь головой,— сказал сэр Ланселот,— он благородный рыцарь, мощь его велика и дыхание ровное, и если он захочет, то, я думаю, одолет любого из ныне живущих рыцарей. И он учтив и любезен и от души щедр, кроток и нежен, и в нем нет ни толики низкой хитрости, ни лишь простота, преданность и верность.

Потом собрались они покинуть дом отшельника. Поутру сели они на коней и пустились в путь, и Элейна Белокурая с ними. А когда они прибыли в Астолат, их приняли там и расположили на ночлег с великим радушием сэр Барнард, старый барон, и его сын сэр Тиррей.

А наутро, когда сэр Ланселот собрался в дальнейший путь, пришла к нему прекрасная Элейна и привела с собою отца своего и братьев, сэра Лавейна и сэра Тиррея. И сказала она ему так:

КАК УБИВАЛАСЬ ПРЕКРАСНАЯ ДЕВА ИЗ АСТОЛАТА, КОГДА ЛАНСЕЛОТ СОБРАЛСЯ В ПУТЬ, И КАК ОНА УМЕРЛА ОТ ЛЮБВИ

— Господин мой сэр Ланселот, я вижу, что вы собрались оставить меня. Прошу вас, любезный и учтивый рыцарь,— сказала она,— сжальтесь надо мною и не дайте мне умереть от любви к вам.

— Что же вам от меня угодно? — спросил сэр Ланселот.

— Сэр, я хочу, чтобы вы были моим мужем,— отвечала Элейна.

— Прекрасная девица, я благодарю вас от всего сердца,— сказал сэр Ланселот.— Но право,— сказал он,— я издавна решил никогда не жениться.

— Тогда, любезный рыцарь,— сказала она,— быть может, вы согласитесь стать моим возлюбленным?

— Упаси меня Иисусе! — воскликнул сэр Лан-

селот.— Ведь я отплатил бы великим злом отцу вашему и брату за их доброту.

— Увы! — сказала она,— в таком случае мне придется умереть от любви к вам.

— Нет, не должно вам умирать,— сказал сэр Ланселот,— ибо да будет известно вам, прекрасная девица, что, захоти я, я мог бы давно жениться, но я никогда не думал о женитЬбе. Но раз вы, любезная девица, говорите, что так меня любите, я за доброту вашу и заботу тоже отплачу вам добром. Я назначу вам и тому рыцарю, кому вы отдадите свое сердце и кто станет вам мужем, тысячу фунтов в год, и вам и вашим наследникам. Все это я дарю вам, любезная девица, за вашу доброту, и покуда я жив, всегда буду вашим верным рыцарем.

— Сэр,— отвечала девица,— ничего этого мне не надобно, ибо если вы не женитесь на мне или, на худой конец, не согласитесь быть моим возлюбленным, то знайте, сэр Ланселот, что дни мои сочтены.

— Прекрасная девица,— сказал сэр Ланселот,— и от того и от этого, прошу вас, меня увольте.

Тут она вскрикнула пронзительным голосом и упала в обморок, и женщины унесли ее в ее покои, и там она убивалась прегорестным образом. А сэр Ланселот между тем собрался уезжать и стал спрашивать сэра Лавейна, что он намерен делать.

— Сэр, что же еще мне делать,— отвечал сэр Лавейн,— как не последовать за вами, если только вы не прогоните меня от себя или не прикажете нас покинуть.

Тем временем явился к сэру Ланселоту сэр Барнард и сказал ему:

— Вижу я, что из-за вас моя дочь умрет.

— Сэр, я в этом не повинен,— отвечал сэр Ланселот,— и весьма об ней сожалею, вы ведь и сами можете подтвердить, я предложил ей щедрый дар. И я от души сожалею,— сказал сэр Ланселот,— что она так сильно меня любит, ибо я этого вовсе не хотел, ваш сын подтвердит, что ни в начале, ни потом я не соблазнил ее ни подарками, ни клятвами. И что до меня,— сказал сэр Ланселот,— я всегда готов доказать в бою, как пристало рыцарю, что она для меня — непорочная девица, и на деле и в номыслах. И горе ее меня весьма печалит. Ибо она девица собой прекраснейшая, добрая и ласковая и всему обчужная.

— Отец,— сказал сэр Лавейн,— ручаюсь, что она осталась чиста у господина моего сэра Ланселота; но с ней случилось то же, что и со мной, ведь и я, как увидел первый раз господина моего сэра Ланселота, так с тех пор и не в силах с ним расстаться, и ничего мне другого не надо, как только следовать повсюду за ним.

Вот сэр Ланселот простился со старым бароном, и они пустились в путь и добрались до Винчестера.

Когда же король Артур узнал, что сэр Ланселот возвратился жив и здоров, то не было конца его радости. Радовались его приезду и сэр Гавейн и все рыцари Круглого Стола, кроме сэра Агравейна и сэра Мордредда. И еще королева Гвиневра, она по-прежнему гневалась на сэра Ланселота и ни за что не хотела с ним разговаривать и совсем от него отдалась.

А сэр Ланселот испробовал все средства, чтобы склонить королеву выслушать его, но все понапрасну.

А теперь мы поведем речь о Прекрасной Деве из Астолата, которая денно и ночью предавалась столь жестокой печали, что не ела, не пила, не спала, но все время жаловалась и вздыхала по сэру Ланселоту. Так прожила она десять дней и обессилела до того, что настал ее смертный час. Она исповедалась перед смертью и приняла последнее причастие. Но все время не переставала она повторять свои любовные жалобы. Тогда святой отец велел ей оставить такие мысли. Но она отвечала ему так:

— Отчего должна я оставить эти мысли? Разве я не земная женщина? И пока дыхание есть в моем теле, я стану твердить мои жалобы, ибо я верю, в том нет греха перед богом, что я люблю земного мужчину, ибо для того и создал меня господь, и всякая праведная любовь приходит от него. Я же иначе как праведной любовью не любила сэра Ланселота Озерного. И бог свидетель, кроме него, я никого не любила и не полюблю на этом свете. Я осталась непорочной девственницей перед ним, и перед всеми остальными. И раз уж такова воля божия, чтобы мне умереть от любви к столь благородному рыцарю, я молю тебя, отец небесный, помилуй меня и душу мою, и пусть за бесчисленные муки, что я сейчас приемлю, мне простится часть моих прегрешений. Ибо, милосердный господи Иисусе,— сказала прекрасная девица,— свидетель бог, что я ни в чем не преступала против тебя и твоих законов, а только любила без меры лучшего из рыцарей, сэра Ланселота. И не было у меня силы, господи милостивый, выдержать эту горячую любовь, и оттого ныне пришла моя смерть!

Тут она призвала к себе отца своего сэра Барнарда и брата сэра Тиррея и просила отца слезно, чтобы брат ее написал письмо словно бы от ее имени, и отец дал на то свое согласие. И когда письмо было написано, слово в слово так, как она задумала, она попросила отца, чтобы у ее ложа сидел, пока она не умрет.

— И пока тело мое еще будет теплым, пусть вложат эту запись в мою правую руку, сложат пальцы и обвяжут крепко, и так пусть останется, пока я не заколечу. А тогда пусть уложат меня на богатом ложе и затают его всеми этими дорогими тканями, и пусть отвезет меня колесница прямо с ложем к берегу Темзы, а там пусть поставят меня в барку и пошлют со мною одного человека, кому вы всех более доверяете, чтобы провел барку вниз по течению, и пусть моя барка вся будет затянута черными шелками. И все это, отец мой, молю вас исполнить.

Отец ее обещал ей, что все будет сделано по ее замыслу. И после того отец и брат стали горько плакать над нею и убиваться. А когда они ее оплакали, она вдохнула последний раз и умерла.

И тогда тело ее вместе с ложем отвезли ближним путем на берег Темзы, и там спустили тело на воду, и с ним кормчего и все, как она замыслила. И кормчий привел барку к Вестминстеру, а там она долго качалась и билась на волнах, прежде чем кто-либо успел ее заметить.

КАК ТЕЛО ПРЕКРАСНОЙ ДЕВЫ ИЗ АСТОЛАТА ПРИПАЛЫЛО К КОРОЛЮ АРТУРУ, И КАК ЕГО ПРЕДАЛИ ЗЕМЛЕ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ЗАКАЗАЛ МЕССУ. Но, по воле случая, как-то король Артур и королева Гвиневра у окна беседовали меж собою, и когда они vagягнули на Темзу, то заметили на воде черную барку и подивились, что бы это могло означать. Король призвал сэра Кэя и показал ему барку.

— Сэр,— сказал сэр Кэй,— уж верно, нас ждут какие-то известия.

— Ну что ж, отправляйтесь туда,— сказал король сэру Кэю,— и возьмите с собою сэра Бранделя и сэра Агравейна и привезите мне оттуда верные вести.

Собрались эти три рыцаря, спустились к берегу и взошли на барку. И там они нашли труп прекраснейшей девушки, лежащий на роскошнейшем ложе, какое только приходилось им в жизни видеть, а на корме сидел бедный человек, но он не сказал им ни слова. С тем трое рыцарей возвратились к королю и рассказали ему обо всем, что видели.

— Эту прекрасную покойницу я хочу увидеть,— сказал король Артур. И взял он за руку королеву и пошел к реке. Он повелел причалить барку и взошел на нее вместе с королевой и кое-кем из рыцарей. И там увидели они чудесную красавицу на богато убранном ложе, до пола покрытую роскошными тканями и золотканной парчой. Она лежала и словно бы усмехалась.

Вдруг заметила королева в ее правой руке письмо и сказала об этом королю.

Король вынул письмо и сказал так:

— Я полагаю, что письмо откроет нам, кто она такая и почему очутилась здесь.

И король с королевой вышел из барки, оставив там людей сторожить тело. И когда возвратились они в свои покои, то король созвал своих рыцарей и объявлял, что желает при всех узнать, что написано в том письме. И с тем король вскрыл его и передал писцу, чтобы он прочел его вслух.

И вот что значилось в том письме:

«Благороднейший рыцарь, господин мой сэр Ланселот, смерть из-за любви к вам встала между вами и мной, которая вас любила и которую люди звали Прекрасной Девой из Астолата. И потому с любовной жалобой моею я обращаюсь ко всем дамам, вы же молитесь за мою душу и позаботьтесь хотя бы о том, чтобы меня похоронили, закажите по мне погребальную службу,— такова моя последняя просьба. Умерла же я непорочной девственницей, в чем господь мой свидетель. Молись же за мою душу, сэр Ланселот, как есть ты несравненный среди рыцарей».

Вот и все, что было написано в том письме. И когда его огласили, то

король, королева и все рыцари плакали от жалости над ее горькими страданиями. Потом послали за сэром Ланселотом, и когда он явился, король Артур велел, чтобы для него еще раз прочли письмо. Выслушал его сэр Ланселот от первого до последнего слова и сказал так:

— Господин мой Артур, знайте, что я всем сердцем сокрушаюсь из-за смерти этой прекрасной дамы. Видит бог, не моей волею я стал виновником ее смерти, и это вам подтвердит родной брат ее сэр Лавейн, который находится здесь со мною. Я не спорю, — сказал сэр Ланселот, — она была и прекрасна собой и добра нравом, и я ей многим обязан, но она любила меня сверх меры.

— Сэр, — сказала королева, — вы могли бы явить ей больше учтивости и доброты и тем спасти ее от смерти.

— Госпожа, — отвечал сэр Ланселот, — она ничем не соглашалась удовлетвориться, как только тем, чтобы стать мне женой или возлюбленной, а я ни в том, ни в другом не мог согласиться с ее желанием. Но я предложил ей в награду за доброту ее и заботу тысячу фунтов в год ей и ее наследникам, и чтобы она обвенчалась с каким угодно рыцарем, какого она ни найдет достойным своей любви. Ибо я, госпожа, — сказал сэр Ланселот, — не люблю принуждения в любви, потому что любовь должна рождаться в сердце сама, но не по принуждению.

— Это правда, сэр, — сказал король Артур, — любовь рыцарей свободна и независима и не терпит оков; а где она несвободна, там она пропадает.

И еще сказал король сэру Ланселоту:

— Сэр, ваша честь требует от вас, позаботьтесь, чтобы ее достойным образом предали земле.

— Сэр, — отвечал сэр Ланселот, — это будет сделано наилучшим, какой только смогу я измыслить, способом.

После этого многие рыцари отправились к реке посмотреть мертвую девицу, утром же ее богато похоронили. Сэр Ланселот заказал по ней зауюкойную службу, и все рыцари Круглого Стола, которые были там на похоронах, тоже внесли от себя деньги на помин ее души. А бедный кормчий со своей баркой пустился в обратный путь.

Королева же послала за сэром Ланселотом и просила у него прощения за своей беспричинный гнев.

— Это не в первый раз, — сказал сэр Ланселот, — что вы гневаетесь на меня беспричинно. И всякий раз, госпожа, я сношу от вас все, вы же знать не хотите о страданиях, которые я терплю.

А время шло, и так миновала зима, среди охот и ловитв; и немало турниров и поединков было в тот год между великими лордами. И всегда и везде отличался в бранных трудах сэр Лавейн, так что слава его благородная утвердилась между рыцарями Круглого Стола.

Сэр
III.

О ПОЕДИНКАХ, ПРОИСХОДИВШИХ НА РОЖДЕСТВО, И О БОЛЬШОМ ТУРНИРЕ, ОБЪЯВЛЕННОМ КОРОЛЕМ АРТУРОМ, И О СЭРЕ ЛАНСЕЛОТЕ

Наступило Рождество, и к Рождеству каждый день устраивали поединки и состязания на алмаз: кто одерживал верх, получал алмаз в награду. Но сэр Ланселот отказывался выступать, пока не объявят большого турнира; а сэр Лавейн сражался в каждом рождественском состязании и отличился немало, и все его хвалили, ибо мало кто еще отличился так, как он. И оттого многие рыцари считали, что сэра Лавейна должно возвести в рыцари Круглого Стола в будущий праздник Пятидесятницы.

После Рождества король Артур призвал к себе многих своих рыцарей, и вместе они решили устроить празднество и большой турнир с поединками. Король Северного Уэльса объявил королю Артуру, что на его стороне выступит король Англии Ирландский, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и король Нортумберландский и сэр Галахальт-Высокородный Принц. Эти четыре короля и один могущественный герцог будут на турнире противниками короля Артура и рыцарей Круглого Стола.

И крикнули повсеместно клич, что турнир состоится близ Вестминстера на праздник Сретенья Господня, и все рыцари обрадовались и стали готовиться и собираться на турнир.

А королева Гвиневра послала за сэром Ланселотом и сказала ему королева так:

— Повелеваю вам не являться более на турниры и поединки тайно от ваших сородичей и не узнающим ими, для предстоящего турнира я дам вам мой золотой рукав. И заклинаю вас, ради меня, не жалейте сил, дабы о вас опять говорили с почтением. Но смотрите, если дорога вам моя любовь, пусть ваши сородичи знают, что во время турнира у вас будет мой золотой рукав.

— Госпожа, — отвечал сэр Ланселот, — я все исполню.

И они оба радовались от души своему согласию и своей любви. И вот, выждав, сколько было нужно, сэр Ланселот сказал сэру Борсу, что уезжает с одним лишь сэром Лавейном к доброму отшельнику по имени сэр Брастнас, который жил в Виндзорском лесу. Там думал он отдохнуть и набраться свежих сил к предстоящему турниру.

Вот отбыли сэр Ланселот и сэр Лавейн, да так, что ни одна живая душа не ведала, куда они исчезли, кроме лишь добрых рыцарей — его родичей. И когда он прибыл к отшельнику, знайте, что уж конечно он был встречен с радушием. И там сэр Ланселот каждый божий день стал ходить к источнику, что был неподалеку от дома отшельника, ложился над водою и подолгу лежал, любуясь бурлящей струей, а порой погружался в сон.

А в те времена жила в Виндзорском лесу одна дама, она была искусная охотница и всякий день выезжала на охоту. Она носила на плече лук, и ее никогда не сопровождали мужчины, но только женщины, и все они были искусницы стрелять из луков и легко могли убить оленя что на скаку, что из засады. Всякий день они возили с собою луки, стрелы, охотничьи рога и ножи, и было у них много добрых псов, натасканных и гонять и задирать зверя.

И вот однажды пес этой леди-охотницы поднял и погнал на нее яловую лань, а лань та ушла в сторону и помчалась по лесам и лугам. Леди же и ее дамы гнались вслед за ланью, пока не услышали, наконец, по собачьему голосу, что лань настигнута за лесом у ручья. А это был тот самый ручей, у которого проводил время сэр Ланселот во сне и дремоте. А лань, когда выскочила к ручью, то, разгоряченная, залегла в грязи у самой воды. Между тем показался и пес и стал шарить вокруг, потеряв у ручья след дичи. А вслед за псом появилась и леди-охотница, и она сразу догадалась, что лань залегла где-то здесь в грязи у воды. Она подъехала прямо к ручью и увидела лань. В тот же миг положила она на лук стрелу с тяжелым наконечником, пустила ее, но стрела, на беду, перелетела через лань и вонзилась по самое древко прямо в мякоть бедра сэру Ланселоту.

Почуя боль, вскочил сэр Ланселот в бешеной ярости, но увидел, что рану ему нанесла женщина. И видя, что обидчик его — дама, сказал ей сэр Ланселот так:

— О дама, или девица, кто бы вы ни были, в недобрый час взяли вы в руки этот лук. Дьявол научил вас стрелять!

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ, ПОЛУЧИВ РАНУ ИЗ-ЗА ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ, ОТПРАВИЛСЯ К ОТШЕЛЬНИКУ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ

— Простите меня, великодушный сэр, — сказала та леди. — Я — благородная дама и всегда охочусь в здешних лесах, вас же, свидетель бог, я не заметила, ведь я целалась вон в ту лань, что залегла у воды. Я не думала, что могу промахнуться, но, видно, дрогнула у меня рука.

— Увы, — сказал сэр Ланселот, — вы причинили мне зло.

С тем ускакала от него леди-охотница прочь. А сэр Ланселот, как смог, вытащил стрелу из раны, но наконечник застрял у него в теле. И побред сэр Ланселот, ковляясь, к дому отшельника, на ходу

истекая кровью. И когда сэр Лавейн и отшельник увидели, что случилось с сэром Ланселотом, уж конечно они жестоко опечалились. Как был ранен сэр Ланселот и кем, этого сэр Лавейн не узнал, но они оба были разгневаны без меры. С большими муками извлекал отшельник наконечник стрелы у сэра Ланселота из бедра, и пролилось при этом немало рыцаревой крови.

Но рана продолжала причинять ему жестокую боль, и была она в столь неудобном месте, что сэр Ланселот не мог сидеть ни в одном седле.

— О, Иисусе милосердный! — воскликнул сэр Ланселот, — воистину и несчастнейший из живущих, ибо как раз, когда мне так желанна слава, со мною непременно случается какая-нибудь беда. Однако, да поможет мне Иисус, — сказал сэр Ланселот, — пусть будет, что будет, но на этот раз я на праздник Сретенья господня все же буду в назначенный час на турнирном поле, и да свершится воля божи!

И собраны были все средства для излечения сэра Ланселота. Когда же настал день турнира, сэр Ланселот распорядился, чтобы он сам, и сэр Лавейн, и кони под ними были в облачении сарацинском. И в таком виде они пустились в путь и подъехали к назначенному месту.

У короля Северного Уэльса было на турнире сто рыцарей, и король Нортумберландский привел с собою сотню добрых рыцарей, и король Англии Ирландский тоже привел сотню добрых рыцарей, готовых к бою. Сотню рыцарей привел с собою и сэр Галахальт-Высокородный Принц, и Король-с-Сотней-Рыцарей привел столько же, и все это были добрые рыцари, испытанные в ратном деле.

Вслед за тем выехала на поле партия короля Артура, а заодно с ним выступали король скоттов и с ним сто рыцарей, и король страны Гоор Уриенс со своей сотней рыцарей, король Бретани Хоуэлл и с ним столько же рыцарей, а также герцог Чаленс Кларанский и с ним тоже сотня рыцарей.

Сам же король Артур выехал на поле с двумя сотнями рыцарей, почти все — рыцари Круглого Стола, бывалые и славные бойцы. А на подмостках расположились старые рыцари, чтобы судить вместе с королевой, кто одержит верх на турнире.

КАК ПРЕУСПЕЛ НА ТУРНИРЕ СЭР ЛАНСЕЛОТ, А ТАКЖЕ И ДРУГИЕ РЫЦАРИ

Вот затрубили к бою. И выехал король Северного Уэльса и повстречался с королем скоттов, и был король скоттов повержен на землю. А король Ирландии сокрушил короля Уриенса, король Нортумберландии сокрушил короля Хоуэлла Бретонского, и сэр Галахальт-Высокородный Принц выбил из седла герцога Чаленса Кларанского. Тут разъярился король Артур, он ринулся на Короля-с-Сотней-Рыцарей и поверг его наземь. А затем, не меняя копыя, он сокрушил еще троих рыцарей, и лишь тогда сломалось его копые, но он продолжал свершать чудесные подвиги.

Вслед за тем выехали на поле сэр Гавейн, сэр Гахерис, сэр Агравейн и сэр Мордред, и каждый из них сокрушил по рыцарю, а сэр Гавейн положил четверых. И началось тут большое сра-

жене, ибо выехали на поле рыцари из Ланселотова рода и с ними сэр Гарет, и сэр Паломид, и еще многие рыцари Круглого Стола. Они стаи так насадить на четырех королей и могущественного герцога, что тем уже не на шутку грозило поражение. Но сэр Галлахальт-Высокородный Принц был доблестный рыцарь, и силою своего оружия он сдерживал продвижение рыцарей Круглого Стола.

Все это видит из леса сэр Ланселот, и вот будто гром грянул — это он выехал на поле вместе с саром Лавейном. И лишь только увидели его сэр Борс и остальные рыцари, они поспешили предостеречь своих товарищей:

— Смотрите, берегитесь вон того рыцаря с золотым рукавом на шлеме, ибо это сам господин наш сэр Ланселот.

По доброты своей сэр Борс предостерг и сэра Гарета.

— Сэр, я вознагражден уже тем,— отвечал сэр Гарет,— что могу с ним встретиться.

— Но кто же это,— спрашивали все,— там вместе с ним, облаченный в такие же одежды?

— Сэр, это доблестный и учтивый рыцарь сэр Лавейн,— отвечал сэр Борс.

Между тем сэр Ланселот встретился лицом к лицу с саром Гавейном, и сэр Ланселот с разлета сбил наземь сэра Гавейна вместе с его конем. И так же сокрушил он сэра Агравейна и сэра Гахериса, сокрушил он и сэра Мордредра — и все одним копьем.

А сэр Лавейн встретился с саром Паломидом, и они сшиблись так яростно и сильно, что под обоими кони рухнули на землю. Но они тут же вскочили и снова взобрались в седла.

Затем сэр Ланселот съехался с саром Паломидом, и сэр Паломид оказался повержен наземь. Сэр же Ланселот, не останавливаясь, помчался дальше и, на ходу меняя сломанные копы, поверг наземь тридцать рыцарей, почти все — рыцарей Круглого Стола. Один только его родичи уклонялись от столкновений с ним и бились в другом конце поля, куда не заезжал сэр Ланселот.

А король Артур разгневался, видя подвиги сэра Ланселота, и призвал король к себе сэра Гавейна, сэра Гахериса, сэра Агравейна, сэра Мордредра, сэра Кая, сэра Гриффета, сэра Лукана-Дворецкого, сэра Бедивера, сэра Паломида и сэра Сафира, его брата. И с этими десятью добрыми рыцарями король приготовился выступить против сэра Ланселота и сэра Лавейна.

Но все это заметили сэр Борс и сэр Гарет.

— Бююсь,— сказал сэр Борс,— что теперь господину моему сэру Ланселоту придется тяжело.

— Клянусь головой,— сказал сэр Гарет,— я поскачу на подмогу господину моему сэру Ланселоту, что бы меня ни ждало. Ведь это он посвятил меня в рыцари.

— Нет, сэр, мой вам совет — не делайте этого,— сказал сэр Борс,— если только вы не переоденетесь так, чтобы никто не мог вас узнать.

— Сэр, вы сейчас увидите, что я сделаю,— отвечал сэр Гарет.

И с тем, осмотревшись, он заметил одного уэльского рыцаря, отдыхавшего на краю поля, ибо незадолго перед тем он получил жестокую рану от руки сэра Гавейна. К нему-то и подтехал сэр Гарет и просил его рыцарской его честию обменяться с ним щитами.

— Я готов и с охотою,— отвечал рыцарь из Уэльса.

И когда сэр Гарет взял его щит — в Книге говорится, что щит тот был зеленый с фигурой девы на зеленом поле,— в тот же миг помчался сэр Гарет на полном скаку к сэру Ланселоту и крикнул ему:

— Сэр рыцарь, берегитесь, ибо вон оттуда скачет на вас король Артур с десятью славными рыцарями и хочет нанести вам поражение. Я же прибуду сюда разделить с вами опасность, ибо когда-то вы выказали мне дружескую любовь.

— Грамерси,— отвечал сэр Ланселот.

— Вы, сэр,— сказал сэр Гарет,— выезжайте навстречу сэру Гавейну, я же скачусь с саром Паломидом, а сэр Лавейн пусть начинает бой с благородным королем Артуром. Когда же мы разделаемся с этими тремя, то будем все трое твердо держаться вместе.

Меж тем приблизился король Артур со своими десятью рыцарями, и сэр Ланселот выехал против сэра Гавейна и нанес ему такой удар, что у того лопнула подпруга седла, и рухнул сэр Гавейн на землю. А сэр Гарет сшибся на скаку с саром Паломидом и так ударил на него, что рухнул наземь и конь и всадник. Король же Артур оказался лицом к лицу с саром Лавейном, и они повергли друг друга наземь вместе с конями и долго оба пролежали, не в силах подняться.

После того сэр Ланселот сокрушил еще сэра Агравейна, и сэра Гахериса, и сэра Мордредра; а сэр Гарет поверг с коней сэра Кая, сэра Сафира и сэра Гриффета.

Тем временем сэр Лавейн снова сел на коня и ринулся в бой и поверг сэра Лукана-Дворецкого и сэра Бедивера, и началось тут великое сражение доблестных рыцарей. Сэр Ланселот носился в гуще битвы туда и сюда, срывая и сбивая с голов шлемы, так что ни один не мог удержаться в седле, испытав удар Ланселотова копья или меча.

И сэр Гарет свершал столь славные подвиги, что все рыцари гадали, кто таков этот рыцарь с зеленым щитом, ибо он в тот день повыбил и стянул с седла более тридцати рыцарей. И сам сэр Ланселот, повествуется во Французской Книге, тоже дивился, видя доблесть сэра Гарета, и гадал, что он за рыцарь. И сэр Ланселот тоже поверг в тот день более двадцати рыцарей. Но как ни ломал голову сэр Ланселот, не мог он узнать сэра Гарета; ибо будь тогда в живых сэр Тристрам Лионский или же сэр Ламорак Уэльский, сэр Ланселот сказал бы, что это — один из них двоих.

Но все время, пока сэр Ланселот, сэр Гарет и сэр Лавейн сражались на одной стороне, сэр Борс, сэр Эктор Окоаннинный, сэр Лионель, сэр Блеоберис, сэр Галлахуд, сэр Галлахолдн и сэр Пелеас и еще многие рыцари из рода короля Бана бились на другой стороне и сдерживали натиск Короля-с-Сотней-Рыцарей и короля Нортумберландского.

КАК КОРОЛЬ АРТУР ВЕСЬМА ДИВИЛСЯ ХОДУ ТУРНИРА, И КАК ОН ПОСКАКАЛ НА ПОЛЕ И НАШЕЛ СЭРА ЛАНСЕЛОТА ♣ Так продолжался турнир чуть не до ночи, ибо рыцари Круглого Стола один за другим устремлялись на подмогу к королю Артуру. Но как ни гивался король, он и его рыцари не в силах были одержать верх. Наконец, сказал королю сэр Гавейн:

— Сэр, удивительно мне, где это пропадают сегодня целый день сэр Борс Ганский и все остальные рыцари из Ланселотова рода? Их вовсе не видно подле вас, и я полагаю, что этому есть своя причина, — сказал сэр Гавейн.

— Клянусь головой, — сказал сэр Кэй, — сэр Борс нынче весь день сражается вон там, в правой стороне поля, и там он со своими родичами преуспевает лучше нашего.

— Возможно, что и так, — сказал сэр Гавейн, — но я опасуюсь хитрости. Ибо жизнью ручаюсь, этот рыцарь с золотым рукавом на шлеме — сам сэр Ланселот, я вижу это по его посадке и по могучим ударам. Второй рыцарь в таком же облачении — это добрый юный рыцарь сэр Лавейн, а рыцарь с зеленым щитом — это мой брат сэр Гарет, скрывшийся под чужим обличем; его никто не заставит выступить против сэра Ланселота, ибо от него он получил посвящение в рыцари.

— Клянусь головой, племянник, — сказал король Артур, — я вам верю. И потому скажите, как вы советуете нам поступить.

— Сэр, — отвечал сэр Гавейн, — мой совет вам трубить к окончанию турнира. Ибо если это в самом деле сэр Ланселот Озерный и мой брат сэр Гарет, и с ними еще этот добрый юный рыцарь сэр Лавейн, то уж верьте мне, драться с ними бесполезно, пока у нас не будет по десять — двенадцать рыцарей против каждого из них, а это будет нам не честь, но позор. — Правду вы говорите, — сказал король, — позор был бы нам, если мы все, сколько нас тут есть, стали бы и дальше наседать на них. Ибо знаете, — сказал король Артур, — они все трое добрые рыцари, в особенности же тот, что с золотым рукавом на шлеме.

И вот затрубили к окончанию турнира, и тотчас же король Артур послал к четырем королям и к герцогу и просил их, чтобы они не отпускали рыцаря с золотым рукавом, куда он, король Артур, не побеседует с ним. Сам же король, не тратя времени, спешился и снял тяжелые доспехи, и сел он на низкорослую лошадь и поехал туда, где находился сэр Ланселот, за которым он все время следил. Он застал его вместе с четырьмя королями и с герцогом, и всех их король пригласил к себе на ужин. И они приняли приглашение с доброй охотой. Когда же явились они без доспехов, король Артур сразу узнал сэра Ланселота, сэра Гарета и сэра Лавейна.

— А, сэр Ланселот! — сказал король Артур, — вы нынче заставили попортить меня и моих рыцарей!

И так они все вместе отправились к королю Артуру, а там их ждало богатое пиршество и великое веселье. И победителем турнира был провозглашен сэр Ланселот, ибо герцоги объявили, что он сокрушил пятьдесят рыцарей, а сэр Гарет — тридцать пять рыцарей, и сэр Лавейн — двадцать четыре. И рассказал сэр Ланселот королю с королевой о том, как в Виндзорском лесу его ранила тяжелой стрелой в мякоть бедра леда-охотница и о том, что рана его была в шесть дюймов глубиной и такой же шириной. А король Артур стал укорять сэра Гарета в том, что он оставил своих и держал сторону сэра Ланселота.

— Государь, — отвечал сэр Гарет, — от него получил я посвящение в рыцари, и когда я увидел, какая ему грозит опасность, я подумал, что честь велит мне выступить ему на подмогу. Ибо я видел, как он свершал один славные подвиги, а против него билось столь много благородных рыцарей, что когда я узнал в нем сэра Ланселота Озерного, мне стыдно было смотреть.

— Воистину, — молвил король Артур, — хорошо вы говорите и поступили вы по чести и себе на славу. Знайте же, что до конца дней моих, — сказала королю сэр Гарету, — я буду любить вас и во всем вам доверять. Ибо для настоящего рыцаря это всегда первое дело — прийти на помощь другому рыцарю, которому грозит опасность. Ведь честный человек не может смотреть спокойно, как оскорбляют другого честного человека, от того же, кто бесчестен и труслив, не увидишь рыцарской учтивости и вежества, ибо трус не знает милосердия. А хороший человек всегда поступает с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с ним.

После того устроено было для королей и герцогов великое пиршество и веселье с играми, состязаниями и со всеми благородными искусствами. И всякий, кто был учтив, честен и верен другу, был в те дни облакан и прославлен.

КАК ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ УПОДОБЛЯЕТСЯ ЛЕТУ ♣ Так прошло время от Сретения до Пасхи⁴, и наступил месяц май, когда всякое живое сердце пробуждается и расцветает.

Ибо подобно тому, как наиваюются соками и цветут в мае деревья и травы, точно так же и всякое горячее любящее сердце дает новые побеги, наливается соками, распускается и цветет радостью жизни. Потому что веселый месяц май поощряет всех влюбленных более, чем какой-либо другой месяц, и тому есть разные причины: ведь как деревья и травы возрождают сердца женщин и мужчин, так же и влюбленные припоминают прежние ласки и былую учтивость и все хорошее, что было раньше, но без внимания заблываются.

И как зимние стужи всегда побеждают и изгоняют зеленое лето, так же бывает и с непостоян-

ной любовью в сердце женщины и мужчины, ибо многим людям свойственно непостоянство: мы всякий день видим, как с первым же дыханием зимних холодов забывают и забрасывают, как безделанцу, старую любовь, которая на самом деле драгоценна. И в этом нет мудрости и постоянства, а лишь слабосилие природы и великое нечестие, кто бы так ни поступал.

И потому, как месяц май цветет пышным цветом у каждого в саду, подобным же образом пусть расцветает в этом мире сердце каждого, кому дорога честь: прежде всего любовью к богу, а потом и ко всем тем, кому ты клялся в верности; ибо не было еще на свете честного мужчины, ни честной женщины, которым кто-то не был бы дороже остальных, а честно пренебрегать нельзя. Но прежде всего воздай почести богу, а потом пусть твои мысли будут о твоей даме. И такую любовь я называю праведной любовью.

Но в наши дни люди и недели не могут любить, чтобы не удовлетворить всех своих желаний. Такая любовь недолга, и это понятно: когда так скоро и поспешно наступает согласие, столь же скоро приходит и охлаждение. Именно такова любовь в наши дни: скоро вспыхивает, скоро и гаснет. Нет в ней постоянства. Но не такой была старая любовь. Мужчины и женщины могли любить друг друга семь лет кряду, и не было промежутка между ними плотской страсти; а это и есть любовь, истинная и верная. Вот такой и была любовь во времена короля Артура.

Потому-то я и уподобила любовь в наши дни лету и зиме: нынче она горяча, как лето, завтра холодна, как зима. И потому все вы, влюбленные, отмечайте всегда наступление месяца мая, как делала и королева Гвиневра, о которой я здесь скажу, что до конца дней ее она была постоянной в любви и за то ей уготован был добрый конец.

XIX

КАК КОРОЛЕВА ГВИНЕВЕРА ВЫЕХАЛА МАЙСКИМ ПОЕЗДОМ В СОПРОВОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ РЫЦАРЕЙ КРУГЛОГО СТОЛА. И БЫЛИ ВСЕ ОБЛАЧЕНЫ В ЗЕЛЕНЕЕ

Chapter i.

СЛУЧИЛОСЬ ТАК, что в начале мая королева Гвиневра призвала к себе десять рыцарей Круглого Стола и объявила им, что назавтра рано поутру она отправится майским поездом⁵ по лесам и лугам близ Вестминстера

— Повелеваю вам чтобы каждый из вас явился на добром коне и с ног до головы облаченный в зеленое, в шелк или полотно. Со мною же поедут десять дам, так что каждому рыцарю будет дама. Только пусть каждого рыцаря сопровождает оруженосец и двое прислужников, и повелеваю всем им явиться верхами на добрых конях.

И вот снарядились они к выезду со всем возможным тщанием. Имена же тех десяти рыцарей таковы: сэр Кэй-Сенешаль, сэр

Агравейн, сэр Брандель, сэр Саграмур Желанный, сэр Додинас Свирепый, сэр Озаниа-Храброе Сердце, сэр Ладинас-из-Дикого-Леса, сэр Персиант Индийский, сэр Иронсид-Железный Бок по прозвищу Рыцарь Красного Поля и сэр Пелеас Влюбленный. И все эти десять рыцарей со всем тщанием снарядились сопровождать королеву.

И вот ранним майским утром, еще до света, они уселись на коней своих и вместе с королевой отправились майским поездом и скакали, не разбирая пути, через леса и луга, с шутками и весельем. А в десять часов, самое позднее, королева хотела возвратиться к королю Артуру, так что к десяти часам назначено было окончание их поездки.

Но был один рыцарь по имени сэр Мелегант, сын короля Багдемагуса, и этот рыцарь поучна в те дни в дар от короля Артура замок не далее как в семи милях от Вестминстера. А этот рыцарь сэр Мелегант уже многие годы питал любовь к королеве Гвиневере. И как повестуется в Книге, он постоянно устраивал засады, чтобы силою захватить королеву, но ни разу не отважился напасть из-за сэра Ланселота, ибо он не рещался тронуть королеву, если с нею рядом или же где-то поблизости ехал сэр Ланселот.

А в те дни была такой обычай, что королева никогда не ездила без сопровождения целой рати вооруженных рыцарей. То были добрые рыцари, все больше молодые, искавшие чести, и их называли Рыцари Королевы. И никогда, ни в битвах, ни в поединках, они не носили никаких своих значков, но лишь гладкие белые щиты, за что и было им дано прозвище Рыцари Королевы. И когда кому-либо из них случалось всех более отличиться в бранном деле, тогда в ближайший праздник Пятидесятницы, если умирал или погибал в бою кто-нибудь из рыцарей Круглого Стола — а в те времена не проходило года, чтобы хоть одним рыцарем да не стало меньше, — и тогда на освободившееся место избирался достойнейший из Рыцарей Королевы. Так был избран еще задолго до того, как прославился, и сэр Ланселот, и все остальные тоже.

Но тот рыцарь, сэр Мелегант, выследил майский поезд королевы, разузнал и о том, куда она направляется, и о том, что сэра Ланселота при ней нет, а сопровождают ее лишь десять рыцарей, облаченные в зеленые одежды ради летнего праздника. И собрал он двадцать вооруженных рыцарей и сотню лучников и приготовился напасть на королеву и ее поезд, ибо он рассудил, что это — самое удобное время, чтобы завладеть королевой.

КАК СЭР МЕЛЕГАНТ ЗАХВАТИЛ КОРОЛЕВУ И ВСЕХ ЕЕ РЫЦАРЕЙ, ПОНЕСШИХ В СХВАТКЕ ТЯЖЕЛЫЕ УВЕЧЬЯ ♠ И вот скачет по лесу королева со своими рыцарями, изукрашенными с ног до головы зелеными уборками из трав, мхов и цветов, и вдруг выскакивает из роши им наперез сэр Мелегант со ста шестидесятью людьми, все в полном боевом снаряжении, и крикнул он королеве и ее рыцарям, чтобы они остановились, ибо, хотя они того или нет, им все равно придется покориться.

— Рыцарь-изменник! — сказала королева Гвиневра, — что ты задумал? Или ты решился опозорить себя навеки? Вспомни, ведь ты — королевский сын и рыцарь Круглого Стола, а ты собрался причинить обиду благородному королю, посвятившему тебя в рыцарство! Ты позоришь рыцарское звание, ты позоришь себя и меня. Но знай, что меня тебе опозорить не удастся никогда, ибо я скорее перережу себе горло, чем позволю тебе меня обесчестить!

— Что до этих ваших речей, — отвечал сэр Мелегант, — то это мы еще увидим. Ибо да будет вам ведомо, госпожа, я уже много лет люблю вас и никогда до сих пор не мог к вам приблизиться. И потому, как бы там ни было, я все равно вас не отпущу.

Тут заговорили все десять благородных рыцарей и сказали в один голос так:

— Сэр Мелегант, знай, что ты погубишь честь свою и покроешь себя позором, да и самую жизнь свою обречешь гибели. Ибо хоть мы и безоружны и числом уступаем сильно твоей дружине, — ибо ты хитро нас здесь подкараулил, — но чем отдавать на бесчестие королеву и самим лишиться чести, мы скорее согласимся жизни свои положить, ибо в противном случае мы были бы опозорены навеки.

И тогда сказал им сэр Мелегант:

— Что ж, готовьтесь, как можете, к бою и защищайте с оружием в руках свою королеву!

Тут десять рыцарей Круглого Стола обнажили мечи, а Мелегантов рыцари посккали на них, навесив копыя, и десять рыцарей встретили их мужественно и порубили мечами их копыя, так что ни одно копые не причинило вреда. После того стали они рубиться на мечах, и вот уже сэр Кэй, сэр Саграмур, сэр Агравейн, сэр Додинас, сэр Ладинас и сэр Озаниа повержены назем с жестокими ранами. Но сэр Брандель и сэр Персиант, сэр Иронсид-Железный Бок и сэр Пелеас билась еще долго и тоже получили ужасные раны, и все эти десятеро рыцарей, прежде чем полегли, зарубили сорок своих противников из числа храбрейших и искуснейших. Когда же увидела королева, что все ее рыцари тяжело ранены и неизбежно будут убиты, тогда заплакала она от жалости и горя и сказала так:

— Сэр Мелегант, не убивай моих благородных рыцарей. И тогда я согласна последовать за тобой, но при том лишь условии, что ты сохранишь мою жизнь и не велишь их больше увечить, и пусть они сопровождают меня, куда бы ты меня ни увез. Ибо я предпочту лишиться себя жизни, чем следовать за тобою, если этих благородных рыцарей со мной не будет.

— Госпожа, — отвечал сэр Мелегант, — ради вас я согласен, чтобы их препроводили вместе с вами в мой замок при условии, что вы будете мне послушны и покорны.

И крикнула королева тем четырем рыцарям, чтобы они прекратили бой, если они не хотят с нею расставаться.

— Госпожа, — отвечал ей сэр Пелеас, — мы поступим по вашему велению, но что до меня, то жить или умереть — мне теперь все равно.

А этот сэр Пелеас, как говорится во Французской Книге, наносил мечом своим столь могучие удары, что никакие латы не могли их выдержать.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ УСЛЫШАЛ О ТОМ, ЧТО КОРОЛЕВА СХВАЧЕНА, И КАК СЭР МЕЛЕГАНТ УСТРОИЛ ЗАСАДУ НА СЭРА ЛАНСЕЛОТА ♣ Но вот, по велению королевы, они прекратили бой, подняли в седла раненых рыцарей, иных верхами, иных же поперек седла, так что жалко было глядеть.

А сэр Мелегант объявил королеве и всем ее рыцарям, что ни один из них не вправе ее теперь покинуть, ибо он очень боялся, как бы сэр Ланселот Озерный не прознал о том, что произошло. Все это поняла королева, и она тайно призвала к себе одного из своих пажей, дала ему доброго коня и сказала так:

— Улучи минуту, и скачи отсюда прочь прямо к сэру Ланселоту Озерному. Ты передай ему это

кольцо и проси его, во имя его любви ко мне, пусть он прибудет сюда и меня спасет, а иначе не видать ему больше меня и любви моей. Да смотри, не жалея коня, — сказала королева, — ни на суше, ни на воде.

И вот улучил отрок удобную минуту, дал коню шпоры и поскакал прочь во весь опор. Видит сэр Мелегант, что сбежал один паж, и он сразу же догадался, что это королева послала его к сэру Ланселоту. Бросился за ним в погоню лучшие всадники, и стреляли ему в спину лучшие стрелки, но отрок ушел от них от всех и вскоре уже скрылся из глаз.

И сказала тогда королеве сэр Мелегант:

— Госпожа, вы затеяли предать меня, но я позабочусь о том, чтобы сэр Ланселот не скоро мог до вас добраться.

И он поскакал с королевой и со всеми рыцарями, поспешая к себе в замок. А по пути сэр Мелегант оставил засаду из лучших лучников, каких только можно было сыскать в тех краях, всего числом в тридцать человек, и приказал им караулить сэра Ланселота.

— И если увидите, что скачет такой-то и такой-то рыцарь на белом коне, то любым способом убейте под ним коня, с ним же самим не вступайте в бой, ибо его одолеть вам не под силу.

После того прибыли они в его замок; но королева ни на минуту не отпустила от себя никого из десяти рыцарей и из своих дам, и они все постоянно были при ней. Ибо в Книге говорится, что сэр Мелегант не осмеливался учинить насилие, боясь сэра Ланселота, который, как он знал, был уже обо всем оповещен.

А отрок, вырвавшись от сэра Мелеганта, в скором времени достиг Вестминстера и разыскал сэра Ланселота. И когда он пересказал сэру Ланселоту, что ему было поручено, и отдал ему королевину кольцо, — Увы!

воскликнул сэр Ланселот, — я опозорен навеки, если не спасу эту благородную даму от бесчестия!

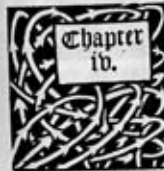
И он громко крикнул, чтобы ему поскорей подали доспехи.

А юный паж поведал сэру Ланселоту о том, как славно бился те десять рыцарей, как всех доблестнее оказались сэр Пелеас, сэр Иронсид-Железный Бок, сэр Брандель и сэр Персиант Индийский, в особенности же — сэр Пелеас, чьи удары не выдерживали никакие латы; и как они сражались до тех пор, покада все не были повержены; и как королева, ради спасения их жизней, согласилась последовать за сэром Мелегантом.

— Увы! — воскликнул сэр Ланселот, — неужели эта благороднейшая из дам обречена на гибель? Пусть бы мне предложили всю Францию, — сказала сэр Ланселот, — я лучше предпочел бы очутиться тогда подле моей королевы с оружием в руках.

Когда же сэр Ланселот в полных доспехах уже сидел на коне, он попросил королевина пажа пойти к сэру Лавейну и рассказать ему, как и зачем сэр Ланселот столь поспешно уехал.

— И проси его, если он любит меня, пусть поспешит мне вослед и скачет. Не переводя духа, пока не достигнет Мелегантова замка. Ибо там, — сказал сэр Ланселот, — он услышит обо мне, если только буду я жив.

КАК БЫЛ УБИТ КОНЬ СЭРА ЛАНСЕЛОТА, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОЕХАЛ В ТЕЛЕГЕ, ДА БЫ СПАСТИ КОРОЛЕВУ ♣ И с тем поскакал сэр Ланселот во весь опор, и в Книге рассказывается, что у Вестминстерского моста он переплыл на коне через Темзу и вышел на том берегу у Лэмбита⁶. И так, в короткое время, он добрался до того самого места, где десятеро благородных рыцарей сражались против сэра Мелеганта.

И дальше сэр Ланселот ехал по их следам, покада не заехал в рошу, а там, в узком месте, преградил ему путь тридцать лучников и крикнули, чтобы он поворачивал и не ехал дальше этой дорогою.

— А вы кто такие, — спросил сэр Ланселот, — что указываете мне, рыцарю Круглого Стола, где мне сворачивать с моего пути?

— Этим путем нет тебе проезда, разве что пойдешь ты пешком, ибо знай, что конь под тобою будет сейчас убит!

— Невеликая это доблесть — убить под рыцарем коня! — сказал сэр Ланселот. — Но вот что до меня самого, ты и без коня я не ставлю вас ни во что, будь вас даже не три десятка, а пять сотен!

И застреляли они из луков Ланселотова коня, поразив его многими стрелами. Высвободил сэр Ланселот ноги из стремян и остался пеш, но их отделила от него столько плетней и канав, что он не мог до них добраться.

— Увы, позор, — сказал сэр Ланселот, — что один рыцарь предает другого! Но старая пословица говорит: «Доброму человеку грозит лишь тогда опасность, когда он во власти труса».

И зашагал сэр Ланселот дальше пешком, но тяжело ему было идти в доспехах со щитом и с копьем. Сэр Ланселот досадовал и ярился, но бросить что-нибудь из своего снаряжения не решился, ибо опасался предательства сэра Мелеганта.

И вдруг, по воле случая, показался ему навстречу возчик с телегой, приехавший туда за дровами.

— Скажи мне, возчик,— спросил его сэр Ланселот,— много ли ты спросишь с меня за то, чтобы я мог забраться в твою телегу и ты бы доставил меня в замок, что здесь неподалеку?

— Ты не должен залезать ко мне в телегу,— отвечал возчик,— ибо я послан сюда за дровами.

— Для кого же дрова? — спросил сэр Ланселот.

— Для господина моего сэра Мелеганта,— отвечал бедный человек.

— А я как раз с ним и хочу говорить,— сказал сэр Ланселот.

— Но я тебя не повезу! — сказал возчик.

Тогда сэр Ланселот бросился на него и так ударил его тыльной стороной своей латной рукавицы, что он замертво повалился на землю. А второй возчик, его товарищ, боясь, как бы и ему не отправиться той же дорогой, крикнул тогда:

— Не губите мою жизнь, милостивый господин, и я отвезу вас, куда вы пожелаете.

— Тогда вези тебе,— сказал сэр Ланселот,— отвези меня на этой телеге к воротам сэра Мелеганта.

— Забирайтесь же на телегу,— сказал возчик,— и вы вскорости будете на месте.

И припустил возчик галопом, а конь сэра Ланселота поспедал следом за телегой, хотя в теле у него торчало сорок стрел.

А королева Гвиневра более часа сидела со своими дамами в ожидании у верхнего окна. Но вот одна из ее дам заметила рыцаря в доспехах, стоя ехавшего на телеге?

— Я вижу, госпожа,— сказала она,— там на телеге рыцаря в добрых доспехах, наверное его везут на повешение.

— Где он? — спросила королева.

Выглянула она из окна и в тот же миг узнала по щиту сэра Ланселота, и увидела она, что за телегой тащится его конь и сам наступает на свои вываливающиеся внутренности.

— Увы! — сказала королева,— теперь я вижу, что хорошо тому, у кого есть верный друг.— Да, да,— сказала королева Гвиневра,— вижу я, что вам пришлось нелегко, если вы едете на телеге.

И упрекнула она ту даму, что сравнила сэра Ланселота с едущим на казнь.

— Воистину, злые то были слова,— сказала королева,— и негодное сравнение, когда благороднейшего рыцаря в мире уподобили осужденному на столь жалкую смерть. Ах, храни и спаси его Иисусе,— сказала королева,— от всякого дурного конца.

К этому времени сэр Ланселот уже подъехал к воротам замка, и вот сошел он с телеги и крикнул так, что отдалось по всему замку:

— Где ты, коварный изменник сэр Мелегант, рыцарь Круглого Стола?

Выходи, рыцарь-предатель, и выводи всю твою дружину, ибо это я, сэр Ланселот Озерный, здесь буду биться со всеми вами!

И с тем толкнул он ворота, и распахнулись они широко, отбросив прочь привратника, а он ударил привратника по уху своей латной рукавицей, и у того шея переломилась надвое.

КАК СЭР МЕЛЕГАНТ ИСПРОСИЛ У КОРОЛЕВЫ ПРОЩЕНИЯ, И КАК ОНА УСМИРИЛА СЭРА ЛАНСЕЛОТА, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ ♠ А сэр Мелегант, услышавши, что прибыл сэр Ланселот, прибежал к королеве, упал перед нею на колени и воскликнул:

— Пощадь, госпожа! Вашему милосердию поручаю я мою жизнь!

— Что это вдруг случилось с вами? — спросила королева.— Клянись богом, разве не ясно было и так, что кто-нибудь из добрых рыцарей поспешит отомстить за меня, пусть даже сам господин мой король Артур и не знает об этом вашем черном деле.

— Ах, госпожа,— отвечал сэр Мелегант,— в чем я против вас повинен, я все испую по вашему желанию, я же всецело поручаю себя вашему милосердию.

— Чего же вы от меня хотите? — спросила королева.

— Госпожа, я прошу лишь,— отвечал сэр Мелегант,— чтобы вы распорядились и усмирили господина моего сэра Ланселота. И чем богаты мы в этом жалком замке, все будет к вашим и его услугам, а завтра вы и все они сможете вернуться в Вестминстер. Я же всю мою жизнь и все мое достойное отдаю в вашу власть.

— Хорошо,— сказала королева.— Мир всегда лучше ссоры, и чем меньше будет толков и пересудов, тем это благоприятнее для моей чести.

И королева со своими дамами спустилась к воротам, где стоял сэр Ланселот, охваченный безмерной яростью, и вызывал на бой противника, повторяя:

— Эй, рыцарь-изменник! Выходи!

Королева приблизилась к нему и сказала:

— Сэр Ланселот, отчего вы так разгневаны?

— А, госпожа! — отвечал сэр Ланселот,— как можете вы меня об этом спрашивать? Ведь я, думаю, должен испытывать еще более сильный гнев, нежели я, ибо это вам нанесен ущерб и бесчестие. Ведь я пострадал немного, только разве коня потерял убитым, и оскорбление, вами испытанное, гнетет меня куда более, чем все мои потери.

— Воистину,— сказала королева,— правду вы говорите, и я всем сердцем буду благодарю. Но теперь,— сказала королева,— вы должны последовать за мною мирно в замок, ибо здесь теперь распоряжаюсь я, а все обиды

будут испуглены, ибо этот рыцарь от души раскаялся в том, что произошло.

— Госпожа, — отвечал сэр Ланселот, — раз вы с ним примирились, то я уж конечно перечить вам не стану, хотя сэр Мелегант и обошелся со мною весьма коварно и трусливо. И знай я, госпожа, — сказал сэр Ланселот, — что вы так скоро с ним примиритесь, я бы не так спешил к вам на помощь.

— Для чего говорите вы так? — сказала королева. — Или вы раскаиваетесь в своем добром деле? Ведь знайте, — сказала королева, — что я примирилась с ним не из милости или любви, но лишь затем, чтобы разумно пресечь все оскорбительные слухи и пересуды.

— Госпожа, — сказала сэр Ланселот, — вам известно, что я всегда опасался и избегал позорных слухов и наветов. Но нет на земле ни короля, ни королевы, ни рыцаря, кроме господина моего короля Артура и вас, госпожа, которые могли бы помешать мне пронзить сердце сэра Мелеганта, прежде чем я покину этот замок.

— Я это знаю, — сказала королева. — Но помимо этого, чего еще вы желали бы? Я распрямлюсь, чтобы любое ваше желание было исполнено.

— Госпожа, — отвечал сэр Ланселот, — были бы только вы довольны, а что до меня, то коли вы довольны, то и я доволен.

И тут королева взяла сэра Ланселота за голую руку, ибо рукавицу он снял, отвела его к себе в покои и повела ему разоружиться и снять доспехи.

И спросил сэр Ланселот королеву, где ее десять рыцарей, которые были ранены, ее защищая. И тогда она показала ему, где они лежали, и они весьма обрадовались приезде сэра Ланселота, он же горько сокрушался их ранам. И он рассказал им о том, как сэр Мелегант коварно и трусливо выставил против него лучников, которые убили под ним коня, и как ему пришлось ехать на телеге. Так жаловались они друг другу и горячо желали мести, но сохраняли мир ради королевы.

Вот тогда-то, как повествует Французская Книга, сэр Ланселот и получил прозвище «Рыцарь Телеги» и носил его долгое время, совершив немало славных и великих подвигов.

Мы же теперь оставляем рассказ о «Рыцаре Телеги» и возвратимся к нашему повествованию.

Королева была весьма милостива к сэру Ланселоту. И они условились между собой, что ночью сэр Ланселот проберется к ее окну, выходящему в сад; окно это было забрано железной решеткой, и там сэр Ланселот должен был встретиться с королевой, когда в замке все будут спать.

Тем временем подъехал к воротам сэр Лавейн и крикнул:

— Где господин мой сэр Ланселот?

И вышел сэр Ланселот к нему навстречу, и когда сэр Лавейн его увидел, то сказал:

— Ах, господин мой! Я знаю, как тяжело вам пришлось, ведь я видел вашего коня, убитого многими стрелами.

— Что до этого, — сказал сэр Ланселот, — то прошу вас, сэр Лавейн, поговорим о чем-нибудь другом, а это пока оставим до иных времен.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ НОЧЬЮ ПРИШЕЛ К КОРОЛЕВЕ И ВОЗЛЕЖАЛ С НЕЮ, И КАК СЭР МЕЛЕГАНТ ОБВИНИЛ КОРОЛЕВУ В ИЗМЕНЕ. Между тем раненые рыцари осмотрели, к ранам их приложили целительные снадобья, и так приблизилось время ужина. За ужином королеву и ее рыцарей угощали всем, что только можно было найти в замке, а когда настал срок, то все разошлись спать, но королева ни за что не соглашалась отпустить от себя своих раненых рыцарей, и их уложили в нишах по стенам ее спальни, дабы королева сама могла заботиться о том, чтобы у ее рыцарей ни в чем не было недостатка.

А сэр Ланселот, оказавшись в отведенной ему комнате, тут же призвал к себе сэра Лавейна и открыл ему, что этой ночью он должен увидиться с госпожой своей королевой Гвиневерой.

— Сэр, — сказал ему сэр Лавейн, — позвольте мне пойти вместе с вами, ибо я сильно опасуюсь предательства сэра Мелеганта.

— Нет, — отвечал сэр Ланселот. — Я вас благодарю, но со мною никому не должно быть.

И взяв сэр Ланселот в руку меч свой и тайно вышел к тому месту, где еще днем приметил лестницу, подхватила лестницу под мышку, пронес через сад и приставил к окну. А там уже поджидала его королева.

Стоя у окна, они беседовали о многих вещах, поверяя друг другу свои печали, и сэр Ланселот сказал, что хотел бы проникнуть к ней за решетку.

— Знайте, — отвечала королева, — что я не менее вашего желала бы, чтобы вы могли проникнуть ко мне.

— Вы всем сердцем желаете, госпожа моя, — спросил сэр Ланселот, — чтобы я был сейчас с вами?

— Да, воистину, — отвечала королева.

— Тогда, ради вашей любви, я покажу свою силу, — сказал сэр Ланселот. И он положил руки на железные прутья решетки и дернул с такой мощью, что вырвал их из каменной стены. При этом один из прутьев врезался в мякоть его ладони по самую кость. И прыгнул сэр Ланселот через окно в спальню королевы.

— Тише, — сказала она. — Мои раненые рыцари спят здесь же неподалеку. И вот, говоря коротко, сэр Ланселот возлег с королевой на ее ложе, забыв и думать о своей поврежденной руке, и предавался радостям и наслаждениям любви, покада не занялся новый день, ибо знайте, он всю ночь не спал, но бодрствовал. Когда же он увидел, что настало его время и что более медлить там ему невозможно, он простился с королевой и вылез через окно, приставив, как мог, обратно решетку, и возвратился к себе.

А там он рассказал сэру Лавейну, как поранил себе руку. И сэр Лавейн перевязал ему рану, остановил кровь и надел ему сверху перчатку, чтобы никто ничего не заметил. И после этого они все утро пролежали в постелях до девяти часов.

Наконец, сэр Мелегант подошел к спальне королевы и там нашел ее дам, давно уже одетых и ожидающих своего господку.

— Ах, помилуй Иисусе! — сказала сэр Мелегант. — Что это с вами, господа, что вы так долго спите?

И с тем он раздвинул полог. И увидел ее лежащей на ложе, и вся ее постель: и подушки, и простыни, и одеяла, — все было запятнано кровью сэра Ланселота, вытекшей из его разрезанной ладони. Но сэр Мелегант, видя эти пятна крови, решил, что королева изменила королю Артуру и что она возжелала эту ночь на своем ложе с одним из своих раненых рыцарей.

— А, господа! — воскликнул сэр Мелегант. — Теперь я вижу, что вы — коварная изменница государю нашему королю Артуру, ибо у меня есть доказательства, что неспроста вы пожелали уложить всех рыцарей у себя в спальне! И потому я обвиню вас в измене перед королем Артуром. Ибо я застал вас, господа, с вашим позором; а из этих рыцарей все ли изменники или лишь нигде из них, все равно вашу измену я докажу, ибо все видят: нынче ночью с вами возлежал раненый рыцарь!

— Это ложь, — отвечала королева, — и все они мне в том свидетели.

И десять рыцарей, услышав его речи все сказали в один голос так:

— Сэр Мелегант, ты обманно клеветашь на госпожу нашу королеву, и за это любой из нас готов с тобой биться в поединке. Ты только выбери из нас, кого пожелаешь, и дай нам оправдаться от ран, которые ты нам нанес!

— Ну нет! Ни к чему все ваши надменные речи! Взгляните, и вы сами увидите, что ныншей ночью с королевой возлежал раненый рыцарь. Посмотрели все и горько устыдились при виде тех кровавых пятен. И знают, что сэр Мелегант весьма радовался, что может обвинить королеву, ибо он надеялся так скрыть свою собственную измену.

Среди этого шума вошел сэр Ланселот и застал их в большом волнении.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ОТВЕТИЛ ЗА КОРОЛЕВУ И ВЫЗВАЛСЯ НА БОЙ С СЭРОМ МЕЛЕГАНТОМ, И КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОПАЛСЯ В ЛОВУШКУ — Что тут случилось? — спросил сэр Ланселот.

И тогда сэр Мелегант поведал ему о том, что он обнаружил, и показал на ложе королевы.

— Воистину, — сказал сэр Ланселот, — вы поступили не по праву и не по-рыцарски, что коснувшись королевина ложа в то время, как полог был задернут и она сама еще там лежала. Ручаюсь, — сказал сэр Ланселот, — что и сам господин мой король Артур не стал бы раскрывать королевина полога, пока она находится на ложе, если только он не пожелает возлечь с королевой. И потому, сэр Мелегант, вы поступили не по чести и на позор себе.

— Сэр, я не ведаю, о чем вы говорите, — сказал сэр Мелегант, — знаю только одно, что

нынешней ночью с королевой спал один из раненых рыцарей. И я готов своими руками подтвердить, что она изменила господину моему королю Артуру.

— Остерегись говорить так, — сказал сэр Ланселот, — ибо твой вызов может быть принят.

— Господин мой сэр Ланселот, — отвечал сэр Мелегант, — это я вам советую быть осмотрительнее, ибо хоть вы и лучший из рыцарей, кому, я знаю, нет равных, все же и вам не следует биться за неправое дело, ибо без вмешательства бога не проходит ни одного поединка.

— Что до этого, — сказал сэр Ланселот, — то да будет над нами страх божий! Но я открыто отвергаю ваше обвинение и утверждаю, что ни один из этих десяти рыцарей не возлежал ныншей ночью с госпожой моей королевой Гвиневрой, и вашу неправоту в этом я готов подтвердить моими руками. Что скажете вы на это? — спросил сэр Ланселот.

— Я скажу, — отвечал сэр Мелегант, — что вот моя перчатка тому, кто будет отрицать, что королева — изменница господину моему королю Артуру и что ныншей ночью один из этих раненых рыцарей возлежал с нею!

— Что же, сэр, вашу перчатку я принимаю, — сказал сэр Ланселот.

И они скрепили договор свой малыми печатками и поручили их на хранение десяти рыцарям.

— На когда же назначим мы поединок? — спросил сэр Ланселот.

— Через неделю в этот же день, — отвечал сэр Мелегант, — на лугу близ Вестминстера.

— Я согласен, — сказал сэр Ланселот.

— Но теперь, — сказал сэр Мелегант, — раз нам с вами предстоит бой, я прошу вас, как есть вы благородный рыцарь, не замышляйте против меня во весь этот срок ни хитрости, ни предательства, и вы все тоже.

— Да поможет мне бог, — молвил сэр Ланселот, — вам бы надо знать, что хитрость вообще не в моем обычае. Ибо спросите рыцарей, которые со мной знакомы, и они вам подтвердят, что я и сам никогда не прибегал к хитростям и не любил общество тех, кто к ним прибегает.

— В таком случае, идите обедать, — сказал сэр Мелегант, — а после обеда королева и все вы можете уехать в Вестминстер.

— С охотою, — отвечал сэр Ланселот.

И тогда сэр Мелегант сказал сэру Ланселоту:

— Сэр, не пожелаете ли осмотреть все покои этого замка?

— С доброй охотою, — отвечал сэр Ланселот.

И они пошли с ним вдвоем из покоя в покои, ибо сэр Ланселот не опасался никаких ловушек: ведь честные и доблестные люди не опасаются чужого коварства, ибо они думают, что другие подобны им. И потому хитрый и коварный человек нередко несет погибель тому, кто правдив и прям.

Так было и с сэром Ланселотом, который шел, не подозревая злого умысла: в одном из покоев он ступил, не заметив, ногою на лок, доска перевернулась, и сэр Ланселот упал с высоты десяти локтей в яму, набитую соломой.

А сэр Мелегант воротился к гостям, не показав даже и виду, что только что отсутствовал. Когда же хватились сэра Ланселота и подивились, куда он исчез, то королева и остальные решили, что он просто уехал из замка внезапно, как было у него в обыкновении. Ибо сэр Мелегант поспешно распорядился, чтобы тайно увели коня сэра Лавейна, так что все предположили, что это сэр Ланселот внезапно на нем ускакал.

Так шло время к вечеру, и тогда сэр Лавейн стал собираться в дорогу и не удовлетворился, пока не раздобыл конные повозки для каждого раненого рыцаря. И вот, вместе с королевой, ее дамами и прислужницами, они двинулись в путь и прибыли в Вестминстер, и там рыцари рассказали о том, что сэр Мелегант обвиняет королеву в измене королю и что сэр Ланселот принял его вызов.

— И ровно через неделю в этот же день у них будет поединок здесь перед нами.

— Клянусь головой, — сказал король Артур, — боюсь, что сэр Мелегант накликал на себя большую беду. Однако где же сэр Ланселот? — спросил король.

— Сэр, мы не знаем, где он, но полагаем, что он отправился на поиски новых приключений, как это в его обыкновении, ведь он взял коня у сэра Лавейна.

— Пусть его, — сказал король. — Он объявится в срок, если только его не задержит предательство.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ БЫЛ ОСВОБОЖДЕН ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ ОДНОЙ ДАМОЙ. И КАК ОН СЕЛ НА БЕЛОГО КОНЯ, ЧТОБЫ ПОСПЕТЬ В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК. Мы же оставили сэра Ланселота в черной яме терпящим великие мучения. Всякий день к нему являлась дама и приносила пищу и питье и всякий раз соблазнила его возлечь с нею, но сэр Ланселот неизменно отвечал ей отказом.

Вот как-то раз она ему сказала:

— Сэр, вы поступаете неразумно, ведь из этого заключения вам не выбраться без моей помощи. К тому же, по вашей вине сгорит на костре ваша дама, королева Гвиневра, если

в назначенный день вы не сможете явиться на поединок. — Боже упаси, — сказал сэр Ланселот, — чтобы по моей вине ее сожгли! И если уж правда, — сказал сэр Ланселот, — что я не сумео туда явиться, то всякий догадается: и король, и королева, и все честные люди, — что я либо мертв, либо болен, либо заключен в темницу. Ибо все, кто знают меня, поймут, что я попал в беду, раз в назначенный день не явился на бой. И точно так же я думаю, что найдется какой-нибудь добрый рыцарь, из моего ли рода или из другого, который возьмет на себя мое дело. И потому, — молвила сэр Ланселот, — знайте, что вам не удастся меня за-

дугать, и пусть бы даже во всей этой стране не было другой женщины, кроме вас, все равно я не волягу с вами.

— Ну, тогда ты опозорен и погиб навеки, — сказала дама.

— Что до мирского позора, то Иисус будет мне заступником! — отвечал сэр Ланселот. — А бед я не боюсь, ибо с радостью принимаю все, что ни пошлет мне господь.

Но в день, когда назначено было состояться поединку, явилась она к нему опять и сказала:

— Сэр Ланселот, право же, вы чересчур жестокосердны. Подумайте еще раз, и если только вы пожелаете меня всего один раз, я выпущу вас на волю, и верну вам ваши доспехи, и дам вам лучшего скакуна из конюшен Мелеганта.

— Что до поцелуя, — отвечал сэр Ланселот, — то я могу поцеловать вас без ущерба для моей чести. Но знайте, если бы я полагал, что, целуя вас, совершу бесчестие, вы бы меня к этому не склонили.

И с тем он поцеловал ее. И она тотчас же вывела его туда, где хранились его доспехи, и когда он облачился в них, она отвела его в конюшни, где стояло двенадцать добрых боевых коней, и предложила лучшего на выбор. Оглядевшись сэр Ланселот, и всех более приглянулся ему белый скакун, и его-то повелел он сесть на лучшей боевой сбруей. А потом сэр Ланселот взял в руку копье, привнесла сбоку меч и, поручив ту даму господе, сказал ей так:

— Госпожа, за услугу нынешнего дня я теперь всегда и сам готов вам услужить во всем, что в моих силах.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПРИСКАКАЛ ТУДА, ГДЕ ЕГО ЖДАЛ СЭР МЕЛЕГАНТ, И ОНИ ИЗГОТОВИЛИСЬ К БОЮ. На этом оставляем мы сэра Ланселота, пустившего коня самым быстрым галопом, и поведем речь о королеве Гвиневере, которую уже подвели к сложному костру; ибо сэр Мелегант, видя, что сэр Ланселот не явился на бой, расхрабрился и кричал королю Артуру, что требует исполнить правосудие, либо выслать к нему сэра Ланселота. Опечаленный и устыдясь король и с ним весь двор, что из-за отсутствия сэра Ланселота королева должна будет сгореть на костре.

— Господин мой король Артур, — молвила сэр Лавейн, — вы сами понимаете, что с господином моим сэром Ланселотом приключилась беда, ибо

если б он был жив, здоров и на свободе, уж конечно он был бы сейчас здесь. Ведь никто еще не слышал, чтобы сэр Ланселот не явился в условленный день на поединок. И потому, — сказал сэр Лавейн, — господин мой король Артур, я прошу вашего изволения, чтобы выступит мне сегодня в поединке вместо господина моего и учителя и спасти жизнь нашей королеве.

— Грамерси, учтивый сэр Лавейн,— отвечал король Артур,— ибо я готов ругаться, что все обвинения, какие сэр Мелегант возвел против моей королевы, ложны. Я беседовал со всеми десятью рыцарями, и среди них нет ни одного, который не ждал бы сейчас, если бы зажили раны, сразиться против сэра Мелеганта и доказать, сколь ложны его обвинения.

— К этому же стремлюсь и я,— сказал сэр Лавейн,— и отстою также и честь господина моего сэра Ланселота, если только будет на то ваша королевская воля.

— Я даю вам мое согласие,— молвил король Артур,— и призываю вас биться жестоко, ибо, думается мне, сэра Ланселота задержало какое-то коварное предательство.

Вот облачился сэр Лавейн в доспехи, сел на коня и с дальнего конца поля поспешил начать поединок. Но в тот самый миг, когда герольды крикнули: «Расступитесь все!»— появился сэр Ланселот, во весь опор скакавший к месту боя. И крикнул тогда король Артур:

— Эге-гей! Остановитесь!

И призвав сэра Ланселота к королю Артуру, и он открыто поведал королю обо всем, как с ним поступил сэр Мелегант. И когда король и королева и все бароны узнали о предательстве сэра Мелеганта, они все за него устыдились. И послали за королевой Гвиневерой и усадили ее подле короля, ибо никто уже не сомневался в победе ее рыцаря.

И вот, навесив копьа, сшиблись сэр Ланселот и сэр Мелегант, точно гром грянул. И сэр Ланселот перекинул того через круп коня. Затем спешнулся и сэр Ланселот, перетянул щит свой на плечо, выхватила меч, и они снова бросились друг на друга и осыпали один другого множеством жестоких ударов. Наконец, сэр Ланселот нанес тому по шлему такой могучий удар, что поник сэр Мелегант на одну сторону и рухнул наземь.

И тогда крикнул он громким голосом:

— Благороднейший рыцарь сэр Ланселот, помилуйте и не убивайте меня! Ибо я сдаюсь и прошу вас, как есть вы благородный рыцарь и один из товарищества Круглого Стола, оставьте меня в живых, я же покорюсь ей, живой или мертвой, отныне вручаю судьбу мою королю Артуру и вам. Сэр Ланселот не знал, как ему поступить, ибо ему дороже всех благ в мире была бы мечь сэру Мелеганту. И поглядел сэр Ланселот на королеву, надеясь прочесть по ее лицу или жестам, как она желает, чтобы он поступил. Королева же покачала сэру Ланселоту головой, словно бы говоря: «Убей его!» И по этому же знаку сэр Ланселот ясно понял, что она желает смерти сэра Мелеганта.

И тогда приказал ему сэр Ланселот:

— Вставай, позор тебе! Вставай и доведи поединок до конца!

— Ну нет,— отвечал сэр Мелегант,— я не встану, куда вы не примете у меня меча как у побежденного.

— Ну вот, что,— сказал сэр Ланселот,— я сделаю вам такое предложение: я обнажу голову и левую половину тела, насколько возможно, и левую руку велю привязать у меня за спиной, дабы я не мог ничего ею сделать, и в таком виде я буду продолжать с вами поединок.

Тогда сэр Мелегант вскочил и крикнул громким голосом:

— Слышал ли ты это предложение, король Артур? Ибо я намереваюсь его принять. Пусть же он будет разоружен и связан по своему предложению!

— Что скажете вы?— спросил король Артур сэра Ланселота.— Исполните ли вы ваше предложение?

— Да, государь мой,— отвечал сэр Ланселот,— ибо я никогда не отступаю от того, что раз мною сказано.

И вот рыцари, следившие за поединком, обнажили сэру Ланселоту сначала голову, а затем левую руку и левую сторону тела и левую руку привязали ему за спиной, так что он остался без щита и без защиты. И вот сошлись они снова.

И знайте, немало дам и немало рыцарей дивились сэру Ланселоту, что он таким образом подвергает опасности свою жизнь.

Вот сэр Мелегант бросился на него с высоко поднятым мечом, а сэр Ланселот показал ему свою обнаженную голову и обнаженный левый бок. Но когда сэр Мелегант хотел поразить мечом его непокрытую голову, он вдруг быстро ступил назад левой ногой и подставил под удар свою правую руку с мечом и с легкостью отбил его меч. А затем сэр Ланселот обрушил ему на шлем удар такой силы, что расскел ему голову надвое.

После этого ничего уже не оставалось, как только утащить его с поля, и по горячему настоянию рыцарей Круглого Стола король позволил его похоронить и сделать надписи о том, кем он был убит и за что.

А король с королевой после этого были еще милостивее к сэру Ланселоту и ласкали его еще больше, чем прежде.

КАК СЭР УРРИЙ ПРИБЫЛ КО ДВОРУ АРТУРА, ДАБЫ ПОЛУЧИТЬ ИСЦЕЛЕНИЕ ОТ РАН, И КАК КОРОЛЬ АРТУР СОГЛАСИЛСЯ НАЛОЖИТЬ НА НЕГО РУКИ

В те времена, как повествует Французская Книга, жил в земле Унгарской добрый рыцарь по имени сэр Уррий. Он был большой охотник до приключений, и где бы ни открывались благородные приключения и подвиги чести, там неизменно объявлялся и он.

И случилось так, что в Испании жил один граф, а у него был сын по имени сэр Алфеус. Однажды на большом турнире встретились в поединке сэр Уррий, унгарский рыцарь, и сэр Алфеус Испанский, и из соперничества решились они биться до смертного конца. По воле случая, сэр Уррий убил в том поединке сэра Алфеуса, сына испанского графа. Но прежде чем бить ему сраженным, сэр Алфеус успел нанести сэру Уррию семь жестоких ран: три в голову, три в грудь и одну в левую руку. А у этого сэра Алфеуса мать была искусная волшебница, и она, в от-

мстку за смерть сына, своими тонкими чарами сделала так, чтобы сэру Уррию никогда не исцелилась, чтобы одни раны у него гноились, другие кровоточили, и так все время, покуда лучший рыцарь мира не коснется его ран. Так она и объявила открыто, и все узнали, что сэру Уррию никогда не исцелилась.

И тогда его мать распорядилась приготовить конную повозку, запрячь в нее двух лошадей и положить туда сэра Уррия. И еще она взяла с собой его сестру, прекрасную девушку по имени Филелотти, и юного пажа — присматривать за лошадьми, и так возили они сэра Уррия по многим сграмам. Ибо Французская Книга говорит, что мать семь лет возила его по всем христианским землям, но нигде не могла найти такого рыцаря, который исцелил бы ее сына.

Так попали они в Шотландию, а оттуда в пределы Англии. И по воле случая, как раз на праздник Пятидесятницы она прибыла ко двору короля Артура, а двор он держал в те дни в Карлайле⁹. Приехав туда, она объявила всем, что ищет в этой стране исцеления своему сыну. Тогда король Артур распорядился призвать к нему эту даму и стал расспрашивать ее, для чего привезла она в эти края раненого рыцаря.

— Благороднейший король, — отвечала эта дама, — знайте, что я привезла его сюда, дабы исцелить его раны, от которых он страдает вот уже семь лет.

И она поведала королю все о том, где и кем он был ранен, и как мать убитого им противника из гордости открыла, что навела на него чары и что теперь он не исцелится, покуда лучший рыцарь мира не коснется его ран.

— И так я объехала с ним, ища ему исцеления, все земли христианские, кроме этой страны, и если я и здесь не преуспела в моих поисках, то оставлю всякие старания. А это будет великой жалости достойно, ибо он — рыцарь доблестный и благородный.

— А как его имя? — спросил король Артур.

— Мой добрый и милостивый господин, — отвечала она, — его имя сэра Уррий-Горев.

— В добрый час, — молил король, — и добро вам пожаловать, раз вы прибыли в нашу страну. Знайте же, что здесь будет ваш сын исцелен, если только есть среди крещеных людей человек, могущий принести ему исцеление. А дабы показать пример всем честным мужам, я первый прикоснусь к вашему сыну, а за мною и все короли, герцоги и графы, которые находятся здесь в настоящее время. Я вовсе не хочу сказать, будто я и есть лучший рыцарь мира и от меня будет исцеление вашему сыну, но лишь подвину остальным благородных мужей последовать моему примеру.

И повелел король Артур всем королям, герцогам, графам и всем благородным рыцарям Карлаем Стола, бывшим там в то время, собраться всем на Карлайльском лугу. Но в то время там было всего лишь сто десять рыцарей Карлаем Стола, ибо сорок рыцарей находились в отъезде. И тут мы должны начать с короля Артура, ибо так и подобает первым упомянуть того, кто был в те дни достославнейшим мужем в христианском мире.

КАК КОРОЛЬ АРТУР НАЛОЖИЛ НА СЭРА УРРИЯ РУКИ, А ВСЛЕД ЗА НИМ — И МНОГИЕ ДРУГИЕ РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

Поглядел король Артур на сэра Уррия, и подумалось ему, что исцеленный он был бы прекрасен собой. Он дал знак, чтобы его сняли с повозки и положили на землю, и вот уже принесена золотая подушка, чтобы королю стать на колени. И сказал король Артур:

— Любезный рыцарь, я сожалею о твоей болезни, и дабы положить почин для всех остальных рыцарей, я прошу тебя кротко претерпеть, пока я займусь твоими ранами.

— Благороднейший из христианских королей, поступайте, как сочтете нужным, — отвечал ему сэра Уррий. — Ибо я поручаю себя милости божией и вашим заботам.

И тогда король Артур осторожно стал ощупывать его раны. И часть его ран открылась и стала вновь кровоточить.

После него прикоснулся к ранам сэра Уррия король Клариенс Нортумберландский, но и он не помог. Затем попытал удачи сэра Беррант-Последыш по прозвищу Король-с-Сотней-Рыцарей и тоже не преуспел. Так же и король Уренис из страны Гоор. И король Ангуисанс Ирландский тоже, и король Нантрес Гарлотский. А за ними и король Карадос Шотландский. И герцог Галахальт-Высокородный Принц. И сэра Константин, сын короля Корнуальского Кадора. И герцог Чаленс Кларанский. И граф Ульбанс, и граф Ламбаль, и граф Аристанс.

После этого приблизился сэра Гавейн и его три сына: сэра Гингалли, сэра Флоренс и сэра Ловель (два последних — рожденные от сестры сэра Бранделла), и ни один из них не преуспел. Затем подходил сэра Агравейн, сэра Гахерис и сэра Мордред и добрый рыцарь Гарет, который в рыцарском своем благородстве один стоял всех своих братьев.

Вслед за тем выступили рыцари Ланселотова рода, но самого сэра Ланселота в то время не было при дворе, ибо он где-то странствовал в поисках приключений. И приблизились сэра Лионель, сэра Эктор Окранинний, сэра Борс Ганский, сэра Бламур Ганский, сэра Блеоберис Ганский, сэра Гахалаинтий, сэра Галиходин, сэра Менадук, сэра Вилар Доблестный и сэра Эб Достославный — все рыцари из Ланселотова рода; и ни один из них не преуспел.

Затем выступили сэра Саграмур Желанный, сэра Додинас Свирепый, сэра Динадан, сэра Брюноер Черный, которого сэра Кэй-Сенешаль прозвал Худая Одежка, и сам сэра Кэй-Сенешаль, и сэра Кэй-Чужестранец, сэра Меллиот Логрский, сэра Петипас из Винчелси, сэра Галерон Галовойский, сэра Меллион-Горев, сэра Кардок, сэра Ивейн Отчаянный и сэра Озаниа-Храброе Сердце.

После них пытали удачи еще сэра Аскама, и сэра Груммор Грумморсон, и сэра Кроссельм, и сэра Северанс ле-Брюс, о котором шла слава как о весьма могучем рыцаре. Однажды, как рассказывает Французская Книга, глав-

ная Владычица Озера потчевала у себя сэра Ланселота, а в другой раз — этого сэра Северанса, и когда она каждого потчевала, то об обоих испросила в награду, чтобы они исполнили ее желание. И от сэра Северанса она потребовала обещания, что он никогда не будет сражаться против сэра Ланселота, а от сэра Ланселота потребовала обещания, что он не будет сражаться против сэра Северанса. И оба они дали ей такое обещание. А про этого сэра Северанса во Французской Книге рассказывается, что его и так никогда не влекло в бой с рыцарями, но только с великанами, драконами и дикими зверями.

На том мы оставляем этот рассказ и возвращаемся назад к тем рыцарям Круглого Стола, кто по королевскому приказу собрался в день праздника попытать удачи в исцелении семи ран сэра Уррия. Для того король сам осмотрел его раны первым, ибо он был меж ними благороднейший рыцарь.

Своим чередом выходили сэр Агловаль, сэр Дарнард и сэр Тор, рожденный от жены скотопаса, но только он был зачат еще до того, как скотопас Арий на ней женился. (Все они были рождены королем Пелином: первый сэр Тор, и сэр Агловаль, и сэр Дарнард, и сэр Ламорак, благороднейший рыцарь, какой только был во дни короля Артура среди земных рыцарей, и еще сэр Персиваль, не имевший себе равных, кроме сэра Галахада, в делах неземных. Но они умерли, взявскую Святого Грааля.)

Выходили затем сэр Грифлет-Божий Сын, сэр Лукан-Дворецкий, сэр Бедивер, брат его, сэр Брандель, сэр Константин, сын Кадора Корнуэльского, который стал королем после Артура, сэр Клегис, сэр Садук, сэр Динас-Сенешаль Корнуэльский, сэр Фергус, сэр Дриант, сэр Ламбегус, сэр Кларус Клермонтский, сэр Клодрус, сэр Хектимер, сэр Эдвард Карнарвонский, сэр Приам, принявший святое крещение через сэра Тристрама, благородного рыцаря, и эти трое были родные братья¹⁰; за ними — сэр Эли Белый, приходившийся сыном сэру Борсу, ибо тот зачал его от дочери короля Брангориса, и сэр Бриан Листенойский; сэр Гаутер, сэр Рейнольд, сэр Гилмер — три брата, которых сэр Ланселот победил когда-то на мосту, облаченный в доспехи сэра Кэя; сэр Гуинет Низкорослый, сэр Белингер Жестокый, сын доброго рыцаря Александра-Сироты, убитого предательством короля Марка.

И еще этот коварный король ударом острого копья убил благородного рыцаря сэра Тристрама¹¹, когда тот сидел и играл на арфе у ног своей дамы и госпожи Изольды Прекрасной, и смерть его была горько оплакана каждым рыцарем в Артуровы времена, — ни по ком так не скорбели рыцари, как по сэру Тристраму и по сэру Ламораку, ибо они оба были убиты через предательство: сэр Тристрам рукою короля Марка, а сэр Ламорак рукою сэра Гавейна и его братьев.

А сэр Белингер отомстил за смерть своего отца, сэра Александра, и за смерть сэра Тристрама, и убил короля Марка. Прекрасная же Изольда умерла, упав без чувств на труп сэра Тристрама, и это тоже весьма прискорбно. Убиты были также и все, что состояло при короле Марке и был причастен к смерти сэра Тристрама, как сэр Андрет и многие еще другие.

Выходили также пытать удачи сэр Эб, сэр Морганор, сэр Централь, сэр Супинабль, сэр Белланс Надменный, которого добрый рыцарь сэр Ламорак победил когда-то в честном бою, сэр Неровенс и сэр Пленориус, два добрых рыцаря, некогда победившие саром Ланселотом, сэр Дарас, сэр Харри Фиц-Лейк, сэр Хермин, брат короля Херманса, за которого сражался в Красном Городе сэр Палоид против двух братьев, и сэр Салс из Башни Слез, сэр Эдвард Оркнейский, сэр Иронсид-Железный Бок, называемый также рыцарем Красного Поля, которого победил сэр Гарет ради любви прекрасной дамы Лионесс; сэр Арус, сэр Дегревант, сэр Деграв Бесхитростный, что бился с великаном у Черной Воды; сэр Эпиногрис, сын короля Нортумберландского, сэр Пелеас, что любил леди Этарду (и он бы принял за нее смерть, когда бы не дева озера по имени Ницеа: она вышла замуж за сэра Пелеаса и оберегала его и спасала от смерти до конца своих дней; и был он рыцарь предоблестный); и сэр Ламель Кардифский, великий любовник, сэр Плиз де-Форс, сэр Мелиас Островной, сэр Борр-Бесстрашное Сердце, сын короля Артура, сэр Мадор де-ла Порте, сэр Колгреванс, сэр Хервис из Дикого Леса, сэр Маррок, добрый рыцарь, которого предала жена его, на семь лет сделала его оборотнем; сэр Персиант, сэр Пертолин, брат его, прозванный Зеленым Рыцарем, и сэр Перимон, брат этим двоим, по прозвищу Красный Рыцарь, — их всех троих победил сэр Гарет, когда он еще носил прозвище Прекрасные Руки. Все эти сто десять рыцарей, по велению короля Артура, пытались исцелить раны сэра Уррия.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ, ПО ВЕЛЕНИЮ АРТУРОВУ, ПРИКОСНУЛСЯ К ЕГО РАНАМ, И В ТОТ ЖЕ МИГ ОН ИСЦЕЛИЛСЯ СОВЕРШЕННО, И ОНИ ВОЗБЛАГОДАРИЛИ ГОСПОДА — Милосердный Исусе! — сказал король Артур. — А где же сэр Ланселот Озерный, почему в такой час его нет с нами?

И как раз когда они так стояли и беседовали обо многих вещах, вдруг кто-то заметил сэра Ланселота, скакавшего прямо к ним. И об этом сказали королю.

— Тише, — сказал король, — пусть никто ему ничего не говорит, пока он не присоединится к нам.

А сэр Ланселот, увидевши короля Артура, сошел с коня, подошел к королю и приветствовал его и всех остальных.

И лишь только увидела сэра Ланселота девица — сестра сэра Уррия, она отошла туда, где брат ее лежал в повозке, и сказала:

— Брат мой, сюда прибыл еще один рыцарь, и сердце мое сразу к нему склонилось.

— Любезная сестра, — отвечал сэр Уррий, — и мое сердце тоже тянется к нему, и я чувствую к нему гораздо более расположения, нежели ко всем этим рыцарям, ошупывавшим мои раны.

Между тем молвил король Артур сэр Ланселоту:

— Сэр, вам надлежит проделать все то же, что проделали и мы. И он рассказал ему, для чего они ошупывали раны сэра Уррия, и указал ему на всех тех, кто уже пытал там удачу.

— Иисусе меня упаси,— отвечал сэр Ланселот,— чтобы я, когда столько благородных королей и рыцарей потерпели неудачу, думал преуспеть в том, в чем вы все, господа мои, преуспеть не смогли.

— Не вам это решать,— молвил король Артур,— ибо я повелеваю вам последовать нашему примеру.

— Мой досточлаивший господин,— сказал сэр Ланселот,— я знаю, что я не смею, да и не вправе послушаться вас. Но если бы мог я и смел, то знайте, я бы никогда не взял на себя прикоснуться к этому раненому рыцарю, будто бы я могу превзойти всех других рыцарей.

— Сэр, вы не правы в этом,— молвил ему король Артур,— ибо вам должно сделать это не из самонадеянности, но из товарищества, дабы вам быть заодно со всеми рыцарями Круглого Стола. И да будет вам известно,— сказал король Артур,— если вы не преуспеете и не сможете его исцелить, значит, можно поручиться, нет в нашей стране рыцаря, могущего дать ему исцеление. И потому прошу вас не отстать от всех нас.

И тогда все короли и почти все рыцари стали тоже просить сэра Ланселота осмотреть и ошупать раны сэра Уррия. И сам раненый рыцарь сэр Уррий сел на повозке из последних сил и проговорил так:

— Учтивый рыцарь, прошу тебя, во имя господа, исцели мои раны! Ибо слдается мне, с того мгновения, как появились вы здесь, мои раны болят не так сильно, как прежде.

— Ах, любезный господин,— отвечал сэр Ланселот,— дай бог, чтобы я смел вам помочь! Но мне стыдно, что от меня ждут такого, ибо не мне недостойному преуспеть в столь возвышенном деле.

И с тем сэр Ланселот опустился на колени подле раненого рыцаря со словами: «Господин мой король Артур, я обязан исполнять ваше веление, хотя оно мне совсем не по сердцу». После этого он воздел кверху ладони и, глядя на восток, несамышю промолвил про себя: «Благословен Отец и Сын и Дух Святой, зываю к милости Твоей, да спасешь Ты простую честь мою и доброе имя мое, Святая Троица. Ниспослани мне силы исцелить этого недужного рыцаря от великой благодати и от заслуг Твоих, господи, но отнюдь не от моих».

После того сэр Ланселот попросил сэра Уррия, чтобы тот дал ему осмотреть его голову. И, благочестиво коленипреклоненный, сэр Ланселот ошупал все три раны у него на голове, и вот они вдруг затянулись, словно зажали еще семь лет тому назад. Подобным же образом он ошупал три раны на его теле, и они точно так же зажали у всех на глазах. Последней же он коснулся раны на его руке, и тотчас же она затянулась и зажила.

Тут король Артур и все короли и рыцари опустились на колени и вознесли хвалу и благодарение богу и Его Святой Матери. Сэр же Ланселот сам плакал, словно малый ребенок, которого побиали.

После того король Артур повелев священнослужителям высших и низших

степеней облачиться в торжественнейшие одеяния, дабы они сопровождали сэра Уррия в Карлайл с песнопениями и восхвалениями господа. А затем король сам явился в богатых одеждах, и мало тогда было при дворе рыцарей прекраснее видом, ибо король Артур был собой прекрасен, строен и могуч.

И спросил король у сэра Уррия, как он себя чувствует.

— Ах, мой добрый и досточлаивный господин, я никогда не чувствовал себя столь полным сил.

— Тогда, быть может, вы захотите выступить на турнире и показать свое воинское искусство? — спросил король Артур.

— Сэр, если бы у меня было все потребное для боя, я не много времени потратил бы на сборы.

КАК СОСТАВИЛАСЬ ПАРТИЯ ИЗ СТА РЫЦАРЕЙ И ВЫСТУПИЛА ПРОТИВ ДРУГОЙ ПАРТИИ ИЗ СТА РЫЦАРЕЙ, И О ДРУГИХ ВЕЩАХ Тогда король Артур выделил одну сотню рыцарей выступить против другой сотни, и наутро состоялся у них турнир, и в награду победителю был назначен драгоценный алмаз. Но ни один из грозных рыцарей не выступал на том турнире, и говоря коротко, в тот раз изю всех отличился сэр Уррий и сэр Лавейн, ибо и тот и другой сокрушили в тот день по тридцать рыцарей.

После того, с согласия всех королей и лордов, сэр Уррий и сэр Лавейн были приняты в рыцари Круглого Стола. И сэр Лавейн полюбил прекрасную даму Филелюан, сестру сэра Уррия; и вскоре они обвенчались с великим веселием, а король Артур пожаловал обоим рыцарям большие баронские владения.

И сэр Уррий не пожелал ни за что покинуть сэра Ланселота, и они вдвоем с сэрмом Лавейном служили ему всю жизнь. Всеми при дворе они оба почитались как добрые рыцари и желанные товарищи по оружию. Они свершили немало славных воинских подвигов, ибо они без усталости сражались и искали случаев отличиться. Так они прожили при Артуровом дворе с честью и веселием долгие годы.

Но день за днем и ночь за ночью сэр Агравейн, брат сэра Гавейна, слдид за королевой Гвиневерой и сэрмом Ланселотом, желая обречь их обоих позору и поруганию.

Здесь я оставляю эту повесть и пропускаю большие книги о сэре Ланселоте и о том, какие славные подвиги он свершил в те дни, когда он носил прозвище «Рыцарь Телеги». Ибо, как рассказывает Французская Книга, сэр Ланселот, желая досадить тем рыцарям и дамам, которые укоряли его тем, что он ехал на телеге, словно бы его везли на виселицу,— желая досадить всем им, сэр Ланселот целый год потом разъезжал на телеге; за це-

лый год, после того как он убил, защищая честь королевы, сэра Мелеганта, он ни разу не сел на коня. Но в этот год, как повествует Французская Книга, он провел более сорока поединков.

Оттого же, что я упустил самую суть рассказа о «Рыцаре Телеги», я здесь оставляю повествование о сэре Ланселоте и приступаю к Смерти Артура, которую причинил сэра Агравейн. Далее на оборотной стороне следует «плачевнейшая повесть о смерти Артура Бескорыстного», написанная кавалером сэром Томасом Малори, рыцарем.

Иисусе, поддержи его своей милостью! Аминь.

